

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...



ПОПЕТ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

СЕРГЕЙ ТРИФОНОВ

Сергей Дмитриевич Трифонов

Полет в неизвестность

Серия «В сводках не сообщалось...»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34452391
Полет в неизвестность: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-9055-6

Аннотация

Роман известного новгородского историка и писателя Сергея Дмитриевича Трифонова рассказывает о действиях в послевоенной Германии 1945–1946 годов советской оперативно-разыскной группы военной контрразведки «Смерш» по поиску немецких реактивных двигателей и реактивных самолетов, привлечению немецких авиаконструкторов и инженеров к созданию отечественной реактивной авиации и противодействию американским и британским спецслужбам в вывозе этой техники на Запад. В основе сюжета – противостояние главных героев произведения: личного пилота Адольфа Гитлера, группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Ганса Баура и контрразведчика, подполковника Александра Савельева.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	64
Глава 9	71
Глава 10	79
Глава 11	87
Глава 12	96
Глава 13	103
Глава 14	113
Глава 15	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергей Трифонов

Полет в неизвестность

© Трифонов С.Д., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

*** * ***

Глава 1

На Лубянку Савельев прибыл без четверти восемь в новом мундире при всех наградах, как было велено в записке из приемной Абакумова, дожидавшейся его у дежурного ведомственной гостиницы. Поднимаясь на пятый этаж, где располагалось ГУКР «Смерш»¹, Савельев с каждой ступенькой все сильнее ощущал противный холодок, поднимающийся к груди откуда-то снизу, от живота. Руки коченели так же, как тогда, в Белоруссии летом сорок четвертого, после ранения осколком немецкой авиабомбы. В приемной, где ожидали своей очереди генералы и полковники, холод сменился жаром, лоб покрылся испариной. Адъютант в звании подполковника, внимательно просмотрев удостоверение Савельева, доложил по телефону:

– Товарищ генерал-полковник, ожидаемый офицер прибыл.

Адъютант отворил дверь и слегка подтолкнул Савельева. В кабинете Абакумова находился начальник управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Вадис, взглянувший на Савельева уставшими глазами.

– А, наш герой! – Абакумов поднялся навстречу Савелье-

¹ Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны СССР (здесь и далее – примечания автора).

ву, поздоровался с ним за руку, пригласил к столу. Долгим, внимательным взглядом ощупывал подполковника, как бы оценивая его. — По наградам вижу, настоящий боевой офицер.

На столе Савельев заметил папку с его личным делом, довольно пухлую и весьма затрепанную. Видать, работали с ней основательно. Абакумов убрал папку в стол.

— Савельев, скажите, страшно было там, в Берлине, в бункере фюрера, когда вы его брали? Я вот третьего дня там побывал. Неприятное, скажу, ощущение, дьявольское что-то там есть.

Савельев поглядел на Вадиса, надеясь на поддержку, но тот, отхлебнув чаю, намеренно отвернулся. Подполковник никак не мог взять в толк, за что Вадис дуется на него. Но не Савельевым была занята голова Вадиса. Абакумов рассказал ему, основываясь на агентурных данных из аппарата НКВД, о подготовке Берией доклада Сталину об иной трактовке следственных документов контрразведки «Смерш» по опознанию трупов семьи Геббельса, Гитлера и Евы Браун, о результатах экспертиз, показаниях немцев, задержанных в фюрербункере, о массе противоречий и нестыковок, содержащихся в следственных документах, и, возможно, об иной версии развития событий с участием высших лиц рейха в конце апреля — начале мая. Подготовку доклада Берия поручил генерал-лейтенанту НКВД Амаяку Кобулову, стародавнему врагу Вадиса.

– Так точно, товарищ генерал-полковник, поначалу страшновато было. А потом ничего, привыкли.

– Вы, Савельев, уверены в подлинности трупа Гитлера? – Савельев видел, как напрягся Вадис.

– Уверен, товарищ генерал-полковник. Это был Гитлер.

– Почему же так много противоречий в документах? Почему столько разногласий в протоколах допросов немцев? Почему, наконец, многие протоколы небрежные, безграмотно составленные? Правда, к документам вашей группы это не относится. У вас полный порядок.

– Так ведь нужно понимать, товарищ генерал-полковник, в каких условиях и в какие сроки происходили события. – Савельев от волнения встал. Абакумов движением руки усадил его обратно. – Работали с колес, люди с ног валились от усталости. А немцы, немцы путались и лгали, кто со страху, кто от безумия, а кто от фанатичной уверенности, что не все потеряно, что фюрер жив, его необходимо спасти ложными показаниями, что в будущем им это зачтется.

– Но некоторые ведь говорили правду? Этот ваш, как его, пилот Гитлера? – Абакумову все больше нравился этот подполковник. Не тушует перед руководством, держится уверенно, честные, умные глаза, мужественное лицо, большой красивый лоб.

– Баур, Ганс Баур, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции.

– Да, да, Баур. Он и ряд других высокопоставленных чи-

нов все же уверены в гибели Гитлера. И обратите внимание, изворачивается и лжет главным образом мелкая придворная камарилья: адъютанты и лакеи.

– Но они были с Гитлером до конца, они истинные свидетели, – вступил в разговор Вадис, подбрасывая долю сомнения.

Савельев напрягся, взвешивая, следует ли спорить с Вадисом. Но решил:

– Простите, товарищ генерал-лейтенант, не согласен. – Абакумов с усмешкой взглянул на Вадиса. Вот, мол, твои же воспитанники, получай по полной. – Все же главное – экспертные заключения специалистов: патологоанатомов, стоматологов, зуботехников. Дантистам лгать не резон. Они как раз ничего от вранья не выигрывают.

Абакумов хлопнул ладонью по столу, закурил, прошелся по кабинету и вновь сел напротив Савельева.

– Ладно, время покажет, кто прав. Сами понимаете, истина, будь она неладна, многообразна. И к сожалению, зачастую рождается не в процессе исследования объективных данных, непреложных фактов и документально зафиксированных свидетельств, а в итоге искусно закрученной интриги и подается в красивой упаковке. Поживем – увидим, кто прав... Я, собственно, вызвал вас, Савельев, вот по какому вопросу. – Абакумов достал из сейфа тоненькую папку, перелистал несколько страниц ее содержимого. – На оккупированной нами территории Германии мы создаем ряд терри-

ториальных оперативных групп в целях исследования предприятий, выпускавших боевую технику, боеприпасы, материалы военного предназначения, современные станки и оборудование, поиска научной, опытно-конструкторской и технологической документации оборонного характера и розыска ученых, конструкторов, инженеров, технологов, участвовавших в разработке и производстве боевой техники. Учитывая ваше образование, мы решили назначить вас руководителем опергруппы, сориентированной на авиационную технику. Вы поступаете в распоряжение генерал-майора Барышникова и зачисляетесь в штат центрального аппарата главка. Да, Савельев, вы этого Баура не бросайте, думаю, он нам еще может пригодиться. – Абакумов поднял телефонную трубку. – Владимир Яковлевич, Савельева направляю к вам.

Абакумов вплотную подошел к вытянувшемуся по стойке смирно Савельеву и, положив ладони на его плечи, спросил:

– Просьбы имеются?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, две.

– Давайте и коротко.

– Жена у меня там, в Германии, старший лейтенант, военный переводчик, в положении она.

Вадис скорчил мину от досады, показывая Савельеву, что тот олух, что такие вопросы решает он сам, генерал-лейтенант Вадис, что такими глупостями не резон обременять начальника главка. Абакумов сделал в блокноте пометку.

– Решим. Демобилизуем. Поможем с работой. Вторая просьба.

– Можно с собой забрать моего водителя, старшину Кулешова?

Абакумов взглянул на Вадиса. Тот в досаде только рукой махнул.

– Забирайте. Удачи вам, подполковник. С нетерпением ждем от вас результатов.

* * *

Генерал-майор Барышников, повстречай его вне стен Лубянки, больше напоминал земского врача, учителя или характерного театрального актера. Савельев мгновенно по привычке записал в памяти: сорокапятилетний мужчина среднего роста, плотный, шатен, большой лоб, прямой нос, выразительные очертания мягких губ и подбородка, облачен в штатское, модный темно-синий костюм из дорогого бостона, белая сорочка, синий галстук в мелкую бордовую горошинку, хорошие ботинки. Красив. Глаза! Глаза умного, тонкого, очень уставшего человека.

Савельев немного знал о Барышникове. До войны тот служил в контрразведке и разведке. В январе сорокового, в советско-финскую войну, он даже приезжал к ним на фронт, где Савельев командовал последовательно разведвзводом стрелкового батальона, разведротой отдельной мотострелко-

вой бригады. Но легендарным в среде смершевцев Барышников стал накануне Курского сражения, когда под его руководством контрразведчики провели чрезвычайно успешную операцию по дезинформации противника. В довольно длительной по меркам контрразведки радиоигре с абвером² удалось убедить командование вермахта в недостаточности советских сил и средств в районе Курско-орловской дуги, скрыть подготовку решительного летнего наступления Красной армии, тем самым облегчив советскому командованию выполнение задач по разгрому гитлеровских войск и спасению жизней десятков тысяч красноармейцев. В сорок третьем и сорок четвертом годах Барышников руководил отделением радиоигр с абвером и СД. Несколько десятков немецких агентурных групп, захваченных и перевербованных военными контрразведчиками, гнали гитлеровцам дезинформацию, способствовавшую успеху Белорусской, Яско-Кишиневской, Прибалтийской, Висло-Одерской и ряда более мелких операций. Всего этого Савельев, конечно, знать не мог. Как не мог он соотнести оценку эффективности работы советской военной контрразведки, данную генерал-лейтенантом, руководителем абвера-3 Францем фон Бентивеньи в ходе допроса в Берлине, с именем Барышникова. Протоколы эти Савельев читал. Немецкий генерал утверждал, что все заброшенные в тыл Красной армии немецкие агенты

² Абвер – орган военной разведки и контрразведки вооруженных сил гитлеровской Германии.

были задержаны советскими органами безопасности. Часть из них возвращалась обратно, снабженная надежной дезинформацией, а часть очень успешно использовалась в радиосиграх с абвером.

С сорок четвертого года Барышников руководил 3-м отделом главка, занимавшимся борьбой с агентурой противника. Теперь же Абакумов вменил ему в обязанности еще и весь военно-промышленный комплекс Германии, доставшийся Красной армии после победы.

– Здравствуйте, товарищ Савельев. – Барышников ждал его, прохаживаясь по кабинету и просматривая на ходу какие-то документы. – Прошу садиться. Времени у нас с вами немного, а поговорить нужно о многом. – Генерал позвонил и заказал чай. – Давайте без чинов и званий, мы же с вами разведчики.

Савельев с удивлением обвел взглядом кабинет генерала. Все свободное пространство занимали какие-то ящики, ящички, коробки, баулы, портфели, плотно набитые трофейные рюкзаки.

– Не удивляйтесь, – улыбнулся Барышников, – это часть имущества вашей опергруппы. Ну, к делу.

В дверь постучали. Дежурный офицер поставил на стол два стакана чая в мельхиоровых подстаканниках, сахарницу и тарелку с сушками.

– Я читал ваше личное дело, поэтому без предисловий. Будем пить чай и говорить о целях вашей опергруппы, ее за-

дачах, особенностях их выполнения, о возможных и непредвиденных проблемах, о ваших новых подчиненных, о немцах и еще о многом другом.

Глава 2

Десятого мая Баура доставили в Познань и поместили в 1-е хирургическое отделение эвакуационного госпиталя № 2805 при лагере № 173 ГУПВИ НКВД³ с диагнозом «сквозное пулевое ранение правой голени с повреждением костей, осложненное газовой инфекцией». Через два дня его оперировали, ампутировав треть голени. Операция состоялась поздно вечером, а ранним утром, до операции и еще до врачебного обхода, два офицера НКВД (Баур уже понимал, что лазоревый цвет приборов фуражки, просветов на погонах и обшлагов мундира – признак принадлежности к грозному НКВД), майор и лейтенант, явились по его душу. Не представившись, майор уселся на табурет рядом с его постелью и через переводчика – лейтенанта сообщил о необходимости заполнить опросный лист на военнопленного обергруппенфюрера СС Ганса Баура. Баур заметил, что его звание – группенфюрер, что в авиации рейха никто не имел звание обергруппенфюрера СС, что... Майор раздраженно прервал его:

– Нам нет необходимости выслушивать ваши пустые лекции о фашистских чинах и званиях, у меня нет времени, поэтому отвечать на вопросы кратко, сжато, лаконично. Фами-

³ ГУПВИ НКВД – Главное управление по делам военнопленных и интернированных Наркомата внутренних дел СССР.

лия?

– Баур.

– Имя?

– Ганс.

– Отчество?

– В немецком языке нет отчеств.

– Не рассуждать, а отвечать на вопрос. Имя вашего отца?

– Ганс.

– Что, тоже Ганс? – Майор недоверчиво покосился на Баура.

– А чего тут странного? У вас, русских, каждый второй Иван. Так и у нас, немцев.

– Я сказал не рассуждать, а отвечать на вопросы. Год и место рождения?

– 1897, город Ампфинг, Бавария.

– Адрес проживания до призыва в армию?

– Я не призывался.

– Как так? Как же вы генералом СС стали?

– В 1915 году я добровольцем ушел на фронт. Проживали мы в Мюнхене. Там же я проживал все последующие годы.

– Какими языками владеете?

– Только немецким.

– Партийность?

– С 1926 года состою в НСДАП⁴.

⁴ НСДАП – Национал-социалистическая германская рабочая партия, создана в 1920 г. путем переименования Немецкой рабочей партии и слияния с ней ря-

– Убежденный фашист, значит?

– Фашисты в Италии. Их лидером был Бенито Муссолини, а наша партия – партия национал-социалистов.

– Нацистов, значит. Нам все едино: фашисты, нацисты. Все вы нелюди. И не рассуждать! – Майор повысил тон.

За неполный час Баур ответил на все заданные майором вопросы, но подписывать опросный лист отказался.

– Я не привык подписывать документы, которые не имею возможности прочитать на немецком.

Раздраженный наглой выходкой военнопленного, майор засунул опросник в портфель, прошипев на прощание:

– Ничего, морда фашистская, у нас быстро научишься. Мы тебе поможем.

Придя в себя после операции и узнав об ампутации части правой ноги, Баур не впал в депрессию, как многие немцы, лежавшие с ним в госпитале и лишившиеся разных конечностей, не кричал от бешеной боли, не выл по ночам, не скулил перед медперсоналом, выклянчивая морфий. Он терпел. Его нижняя губа превратилась в кровоточащий кусок изжеванного мяса. Порой ему казалось, жизнь оставляла его, медленно, грамм за граммом, покидала искалеченное тело. Иногда, наоборот, жуткая физическая тяжесть наваливалась на грудь, шею, руки, душила, и казалось, будто дух его выскаль-

да радикальных организаций, правящая партия Германии в 1933–1945 гг. Лидеры – 22.05.1920–29.04.1945 – Адольф Гитлер, 30.04–02.05. 1945 – Мартин Борман; заместитель руководителя (фюрера) по партии – 21.04.1933–10.05.1941 – Рудольф Гесс.

зывает из этого кошмара, повисал в полуметре над ним и его, Баура, глазами наблюдал за мучениями, но глаза эти не выражали ни сострадания, ни жалости, ничего, просто наблюдали. Периодически приходя в сознание, Баур не вспоминал ни дом, ни семью, ничего того, что осталось там, в таком далеком довоенном и счастливом прошлом. Не думал он и о Гитлере, о службе в годы войны. Всякий раз мозг его включал картинку первого допроса во Франкфурте-на-Одере, во фронтовом госпитале для военнопленных. Молодые и красивые майор (потом подполковник) и его переводчица, лейтенант, угостившая Баура шоколадом и изюмом, все чаще возникали перед ним, а он с удовольствием беседовал с ними, не понимая, что это допрос. И эти слова майора-подполковника, как же он говорил? Ах, да, вот: «...Вас ждет нелегкая судьба военнопленного, которую обременят два обстоятельства: вы – личный пилот Гитлера, вы – генерал СС». И еще: «Рекомендую вести себя корректно и лояльно. Займитесь чем-либо. Вырезайте из дерева, клейте, вяжите, вышивайте, наконец. Делайте что угодно, но делайте». Эти слова русского контрразведчика лучше всякой анестезии действовали на Баура, помогали преодолевать чудовищную боль, заставляли думать и думать о способах преодоления унижительного положения военнопленного, мечтать об освобождении, о том, как он вновь вернется к работе, пусть инвалидом, пусть на земле, в учебном центре подготовки летчиков гражданской авиации, но обязательно вернется.

Баур отчего-то верил в недолгий плен. Он надеялся на скорейшее крушение союзнических отношений русских, американцев и англичан, на то, что американцы заставят Сталина в скором времени вернуть немецких военнопленных домой, в Германию. И в первую очередь, по его представлениям, освободят, конечно, генералов. От немцев, лежавших в госпитале, он слышал, что Геринг тоже в плену, у американцев. Вот Геринг и станет тем механизмом ускорения освобождения военнопленных. Уж кому, как не Герингу, имевшему тесные деловые и дружеские связи с политическими и бизнес-элитами многих ведущих стран мира, это удастся в лучшем виде. Нужно терпеть. Нужно преодолеть все: боль, унижения, лишения, разлуку. Все окупится.

Недели через две после операции, в те часы, когда сознание возвращалось к нему, Баур наблюдал за происходящим в госпитале. Он отмечал идеальную чистоту, белые накрахмаленные халаты, корректность и внимание медперсонала, полнокровный уход за тяжелобольными, хорошее, даже усиленное питание больных военнопленных. Постепенно он понял: госпиталь для военнопленных офицеров. Здесь больным не воспрещалось общаться, некоторые ходячие помогали санитаркам и медсестрам ухаживать за лежащими. Он, правда, еще не мог видеть усиленных постов из солдат войск НКВД, выставленных в отделениях госпиталя, на лестничных переходах, в кухне и столовой, во всех служебных и подсобных помещениях.

Одним утром завтрак Бауру принес раненый военнопленный. Он поставил тарелку с пшенной кашей и кружку чая с лежащим на нем ломтем белого хлеба с маслом на табурет, придвинул его к постели Баура.

– Здравия желаю, господин группенфюрер, – тихо произнес больной, озираясь по сторонам.

Баур не мог вспомнить, кто бы это мог быть. Забинтованная голова и больничная пижама не выделяли его из других обитателей госпиталя.

– Господин группенфюрер, это я, штурмбаннфюрер СС Бергмюллер, инспектор РСХА⁵. Помните меня? Я служил в команде группенфюрера СС Раттенхубера. Мы с вами были последними сидельцами фюрербункера.

Баур наконец узнал его. Один из многих дежурных офицеров группенфюрера Раттенхубера, начальника личной охраны фюрера. Да, вспомнил, они в последние дни апреля часто пили кофе в буфете фюрербункера, болтали ни о чем, обсуждали последние сплетни с фронтов. Баур протянул ему правую руку, но та не слушалась, так и осталась лежать на одеяле. Бергмюллер присел на краешек постели и осторожно пожал безжизненную руку Баура.

– Здесь много знакомых. Я разговаривал с ранеными гауптштурмфюрером СС Хеншелем, унтерштурмфюрером СС Хофбеком, они оба инспекторы СД. Помните, обеспечивали связь Раттенхубера с центральным аппаратом РСХА?

⁵ РСХА – Главное управление имперской безопасности.

От них я узнал, что в госпитале и тяжелораненый штурмбаннфюрер СС Линге, и электромеханик имперской канцелярии Хеншель, однофамилец тому, другому Хеншелю, и один из официантов рейхсканцелярии, фамилию которого не знаю. Возможно, еще кто-то.

Баур движением головы велел Бергмюллеру наклониться и прошептал:

– Никому об этом, Бергмюллер, ни слова. Вы никого не знаете, не видели, ни о ком ничего не слышали. О фюрербункере помалкивайте, о фюрере, Бормане, Раттенхубере, Мюллере и всех других. И меня забудьте. Иначе они вас замучают допросами. Вы поняли меня?

– Так точно.

– Все новости, что узнаете, о наших людях, о положении в Германии, в мире, об отношениях союзников, – абсолютно все докладывайте мне.

– Будет исполнено, господин группенфюрер. Поправляйтесь. – Бергмюллер попрощался наклоном головы.

Глава 3

Не скажу, что жизнь моя и ранее была легкой и безоблачной. Безусловно, война и послевоенная разруха, борьба с коммунистами в Баварии, тяжелая и опасная работа пилота гражданской авиации, вечное стремление обеспечить благополучие семьи, матери, – все это ложилось зарубками на мое пока еще здоровое сердце. Но тридцать третий год оказался очень нервным.

В начале января после обслуживания избирательных кампаний Гитлера я вернулся в «Люфтганзу» и вновь стал работать на различных внутренних и международных маршрутах. Вскоре мне на дом доставили огромную коробку, перевязанную разноцветными лентами. В ней оказался подарок Гитлера – дорогой серебряный чайный сервиз с дарственной гравировкой: «Выдающемуся пилоту D-1720, летному капитану Бауру, с добрым напоминанием о трех избирательных кампаниях. Искренне Ваш Адольф Гитлер».

После назначения 30 января Гитлера канцлером Германии руководство «Люфтганзы» перевело меня в его личное распоряжение, я стал летать только с фюрером и высшими должностными лицами государства. Но формально я продолжал оставаться служащим «Люфтганзы».

Семейная жизнь все больше окрашивалась в темные тона. Доррит тяжело болела, подолгу находилась в состоянии

депрессии, иногда не узнавала родных и близких, кроме меня, дочери и моей матери, часто ненадолго теряла сознание, плохо ела, в саду и на берегу озера гуляла только в сопровождении дочери или свекрови. Ее брат, Ганс, работавший в знаменитой берлинской клинике «Шарите», сумел наконец добиться консилиума врачей. С большим трудом при помощи мощного увеличения рентгеновского снимка головного мозга удалось обнаружить опухоль. Но ни один нейрохирург не согласился оперировать Доррит. Никакие уговоры, никакие денежные суммы не могли повлиять на их решение. Доррит медленно угасала. Мама и дочь приняли все повседневные заботы о ней. Я в силу загруженности работой видел ее все реже и реже.

Станным образом изменились отношения с моими старыми и добрыми, как мне всегда казалось, друзьями. Как только Гитлер стал канцлером, а Геринг, оставаясь председателем рейхстага, был назначен его преемником в руководстве НСДАП, министром авиации и возглавил формирование воссозданных военно-воздушных сил Германии, в его поведении все больше стало проявляться высокомерие и барство. Со мной он, правда, по-прежнему держался открыто и проявлял доброжелательность, но я чувствовал во всем этом какую-то игру, неискренность, фальшивость. Он больше никогда не возвращался к теме о моей роли в руководстве люфтваффе, не предлагал мне никаких должностей, не приглашал ни на какие совещания. Ганфштенгль как-то сказал:

— А чего вы хотите, Баур, Геринг очень ревнивый человек. Вот вы ведь ему ничего не сказали о предложении фюрера после его прихода к власти сделать вас его личным пилотом. По сути, ведь вы стали одним из самых приближенных к фюреру лиц, одним из самых информированных и влиятельных в его окружении. Кому же это понравится?

Видимо, так и было. Геринг не мог пережить того, что не он предложил Гитлеру сделать меня личным пилотом фюрера после прихода НСДАП к власти, а чуть позднее и командиром особого правительственного авиаотряда. Геринг, возможно, полагал, что Гитлер держал меня в своем ближайшем резерве и в любой момент мог назначить на высокую должность, в том числе и в люфтваффе, не спрашивая на то согласия Геринга. Более того, Геринг оказался явно разочарованным, когда Гитлер не оставил меня в штате люфтваффе, тем самым выведя из подчинения Геринга, а включил в ряды общего СС, подчинив лично себе.

Мильх, старый добрый, всегда веселый и отзывчивый друг Мильх! И он стал другим, нет, не таким заносчивым и высокомерным, как Геринг, но другим, неконтактным, стремящимся улизнуть от встреч, прячущим глаза, скрывающим свою обаятельную улыбку. В этом случае, как мне казалось, причин было две. Первая — все та же, моя приближенность к Гитлеру и, следовательно, ревность. Вторая заключалась в статусе Мильха, который он приобрел в люфтваффе при Геринге. Мильх рассчитывал на большее, видя себя

как минимум начальником Генерального штаба военно-воздушных сил, человеком, реально способным влиять на стратегические вопросы развития авиации. Возможно, он надеялся занять пост министра авиации и главнокомандующего люфтваффе в случае серьезного конфликта Геринга с фюрером. Но этого не случилось, и Мильх все больше замыкался в себе, умудрился испортить отношения с большинством высшего командования люфтваффе, многими влиятельными государственными и партийными чиновниками, генералами и адмиралами. Мне его было искренне жаль.

Ганфштенгль оказался прав: приближенность к фюреру сыграла со мной злую шутку в отношениях со многими прежними товарищами и коллегами по партии. Некоторые стали меня сторониться, другие, подобные Гиммлеру, Геббельсу, Леебу, не скрывая, заискивали и искали дружбы. Только Гесс и старый пьяница Гофман оставались искренними и добрыми друзьями. Невзирая на неприязнь Доррит к Гессу, меня связывала с ним настоящая мужская дружба. Наши отношения не изменились и после того, как Рудольф стал заместителем фюрера по партии, быстро вознесся в верхи рейха, превратился в весьма состоятельного и очень влиятельного человека. Мы, насколько позволяла работа, часто встречались у него дома, у Гитлера, в ресторанах и пивных. Он горячо увлекся спортивной авиацией, и я зачастую исполнял роль инструктора, обучая его летать по приборам в разреженном воздухе над Альпами.

С Гофманом мы тесно сошлись во время предвыборных полетов Гитлера. Он очень ценил мою доброту к нему, тяжело переносившему бортовую качку и всегда являвшемуся мишенью злых шуток коллег, обвинявших бедного Гофмана в способности уничтожить за время полетов все спиртные ресурсы Германии. Для него у меня в самолете всегда имелся неприкосновенный запас французского коньяка и шотландского виски. Его вторая супруга хорошо знала мою жену, в конце двадцатых посещала с нею музеи, вернисажи, выставки, они вместе бывали в театрах, а в последнее время она, навещая больную Доррит, приносила ей цветы, читала новости и всякие сплетни из газет и журналов. Гофман, понимая мое непростое положение, при котором пока еще относительно молодой человек, женатый на очень красивой и любимой женщине, из-за ее болезни не имел полноценного мужского счастья, всеми мыслимыми и немыслимыми способами заманивал в свое фотоателье, где угощал хорошим кофе, знакомил с симпатичными моделями и постоянными клиентками. Не хочу казаться ханжой, ему это удавалось, и я неоднократно проводил свободное время не дома, ссылаясь на занятость, а в компании Гофмана и тех молодых привлекательных и весьма доступных дам, которых Гофман называл «мои птички».

В апреле тридцать третьего года мне пришлось совершить два полета в Италию. Первым рейсом я доставил в Рим делегацию в составе Геринга, Кернера и Мильха, приглашенную

маршалом авиации Бальбо для установления дружественных отношений между военно-воздушными силами двух держав. На самом деле цель визита состояла в ином. Геринг должен был подготовить первый официальный визит в Италию канцлера и фюрера Гитлера. По этому случаю нам следовало соответствующим образом экипироваться. Германские военно-воздушные силы только создавались и еще не имели своей униформы. Солдаты, унтер-офицеры, офицеры и генералы носили пока форму спортивного авиационного союза Германии. Буквально накануне визита Геринг утвердил новую военную форму люфтваффе и известный берлинский модельер и портной Хольтерс со своими помощниками шил и подгонял ее прямо у каждого из нас на дому. Так что полетели мы, одетые с иголочки. Моя форма капитана авиации и командира эскадрильи, украшенная рядами новеньких орденских колодок, серебряными знаками летчика, в том числе и итальянского, смотрелась очень даже хорошо.

Геринг уселся рядом со мной в кресло второго пилота и после взлета взял управление на себя. Он впервые вел самолет над Альпами и в ту чудесную ясную и солнечную погоду сам сиял от удовольствия, словно полированный медный таз. Но над Апенниннами плотно стоял грозовой фронт, и Геринг, передав управление мне, ушел в салон. Я спросил его: стоит ли нам входить во фронт или обогнуть его? Он ответил, улыбаясь:

– Баур, пока мы его будем облетать и добираться до Рима,

можем сильно проголодаться.

В пассажирском салоне Ju-52 он уселся на скамью в самом хвосте, так как из-за своей комплекции никак не мог поместиться в кресле, и сразу же потребовал себе большую чашку кофе и бутерброды с ветчиной, баварской колбасой и сыром. Надо сказать, пока мы летели, это была уже пятая чашка кофе Геринга, а сколько он съел бутербродов и пирожных, никто не считал. В римском аэропорту Ченто-Челло, так хорошо мне знакомому по работе в «Люфтганзе», нас встречали маршал Бальбо и весь высший генералитет итальянских ВВС. Хитрый Геринг покинул самолет первым, выйдя из пилотской кабины. Бальбо как старого друга обнял и расцеловал его.

— Геринг, я лишний раз убедился, какой вы великолепный пилот! Какая чудесная посадка!

Геринг поглядел на меня, подмигнул и улыбнулся. Нас пригласили в здание военной администрации аэропорта (Ченто-Челло был аэропортом двойного назначения), где был накрыт стол с обилием закусок. Маршал Бальбо и Геринг обменялись тостами, а затем вся компания отправилась в Рим. Бальбо целый день возил нас по ресторанам, решив, видимо, уничтожить немцев методом обжорства. Кернер, Мильх и я к вечеру просто изнемогали от усталости и переедания, но Геринг был весел и с радостью продолжал поглощать все новые и новые яства. Меня спас нарочный из германского посольства, доставивший около полуночи запе-

чатанный сургучом пакет на мое имя. Я срочно отзывался в Берлин в связи с необходимостью Гитлера лететь в Мюнхен. В Рим для Геринга и делегации уже отправили другой самолет.

Рано утром восемнадцатого апреля мы с Гитлером, министром иностранных дел Нейратом и рядом других официальных лиц вылетели на мощном и надежном Ju-52 из Мюнхена в Венецию, где должны были состояться переговоры лидеров Германии и Италии. Ровно в полдень я посадил машину на аэродром и ювелирно подкатил к группе встречавших во главе с Муссолини. Фюрер и дуче тепло поприветствовали друг друга, представили сопровождавших их лиц, а затем Муссолини неожиданно поднялся на борт нашей машины, заметив, что много слышал о ней, но ни разу не видел, и попросил меня рассказать о ее технических данных. Надо сказать, он сам, будучи неплохим летчиком, хорошо в этом разбирался. Самолет, как мне показалось, ему понравился, но в завершение дуче обронил одну лишь фразу:

– Весьма скромный салон для фюрера великой нации.

Мы спокойно отнеслись к этому замечанию, но выводы сделали. В дальнейшем мне неоднократно пришлось летать с Муссолини на Ju-52, и всякий следующий раз он замечал:

– Салон становится все лучше и лучше.

Переговоры проходили в одном из восхитительных средневековых замков в окрестностях Венеции, проходили (мы присутствовали и были очевидцами) крайне тяжело. Слы-

шать, правда, мы ничего не слышали, но видели, как накалялась атмосфера, как Гитлер и Муссолини гневно жестикулировали и неоднократно топали ногами, после чего в раздражении поворачивались друг к другу спиной и удалялись на несколько метров, словно записные дуэлянты, потом вновь сходились и опять спорили и спорили. Через три с половиной часа они прекратили переговоры и расстались разочарованными и рассерженными.

На обратном пути Гитлер весь полет простоял за моим креслом, молча созерцая красоту Альп. Лишь месяц спустя он рассказал мне о вероломном характере дуче, не желавшего поддерживать план Гитлера об аншлюсе⁶ Австрии, о том, что итальянское правительство одобряло политику руководства Австрии по преследованию нацистов и недопущению их к власти. У меня сложилось твердое убеждение: Гитлер никогда не верил Муссолини и вынужденно терпел его.

⁶ Аншлюс – силовое присоединение Австрии в феврале – марте 1938 г. к гитлеровской Германии.

Глава 4

Во время чаепития генерал Барышников начал вводить Савельева в курс дела:

– Задача вашей оперативной группы на первый взгляд предельно проста: поиск и предварительное изучение исследовательской, опытно-конструкторской и технологической документации на заводах Юнкерса; транспортировка в СССР всех обнаруженных в цехах, ангарах, на летных полях летательных аппаратов, в том числе недостроенных, поврежденных, отбракованных; сбор, упаковка и отправка в Союз обнаруженных материалов из металла, пластика, клееного дерева, алюминия, стекла; вывоз станков и оборудования.

– Одним словом, уборка мусора, – улыбнулся Савельев.

– Ошибаетесь, подполковник. – Лицо Барышникова осталось серьезным. – Предстоит большая научно-прикладная и хорошо вам знакомая разыскная работа. Для реализации первой части задачи к вашей группе прикомандированы ученые и инженеры из ЦАГИ⁷, ЦИАМа⁸, ВИАМа⁹, ЛИИ¹⁰, НИИ

⁷ ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт им. профессора Н.Е. Жуковского.

⁸ ЦИАМ – Центральный институт авиационного моторостроения.

⁹ ВИАМ – Всесоюзный научно-исследовательский институт авиационных материалов.

¹⁰ ЛИИ – Летно-испытательный институт.

ВВС¹¹. Вам знакомы эти учреждения?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– Я же просил: без формальностей.

– Виноват, Владимир Яковлевич. В ЦАГИ и ВИАМе я проходил практику, а в ЦИАМе бывал у своих однокашников по университету. С Летно-испытательным институтом и НИИ ВВС незнаком.

– Ничего, познакомитесь. А вот вторая часть задачи, разыскная, уверяю вас, окажется очень непростой.

Барышников подошел к стене и отодвинул шторку, за которой висела подробная карта Германии довоенного берлинского издания.

– Смотрите, заводы Юнкерса располагались в Дессау, – он карандашом показывал заранее обведенные синими кружками города, – Ашерслебене, Хальберштадте, Бернбурге, Кетене, Леопольдшалле, Лейпциге-Моккау, Гнадау, Шенебеке, Фрицларе, Магдебурге, Мерзебурге, Арнимсвальде. География, как видите, обширная. Но пока американские войска не ушли из Тюрингии и Саксонии, в том числе и из Дессау, ваш район поиска будет ограничен. Вашей группе предстоит выявить ученых, конструкторов, технологов, инженеров, работавших на заводах Юнкерса, взять их на учет и после получения приказа из главка отправить тех из них, кого мы отберем, в Москву.

– Какими силами и средствами располагает группа? – Са-

¹¹ НИИ ВВС – Научно-испытательный институт Военно-воздушных сил.

вельев, словно опытная гончая, внутренне собрался, готовясь к рывку. — И где она будет дислоцироваться? Как я понимаю, Дессау пока еще занят американцами, а ведь именно там находится главный научный и производственный центр концерна Юнкерса.

— Об этом чуть позже, Александр Васильевич. Хочу обратить внимание вот на какую проблему. Американцы действительно уйдут за Эльбу не раньше июня, возможно и в июле. Они ребята ушлые, расторопные. По нашим сведениям, вычищают заводы, тащат, что могут. Но самое неприятное, их органы разведки и контрразведки уже отправили в Америку большую группу разработчиков ракетной и авиационной техники и, что еще хуже, самых толковых химиков и материаловедов.

— А нам-то, Владимир Яковлевич, останется что-нибудь?

— Останется, будьте уверены, все американцам просто не успеть вывезти, у них нет точных сведений о расположении многих заводов, особенно построенных в годы войны, замаскированных под предприятия пищевой и легкой промышленности, упрятанных в отработанных соляных и серебряных рудниках и шахтах. А у нас есть. Разведка, как вы понимаете, хлеб даром не ела, да и освобожденные из концлагерей ценную информацию дали.

В дверь постучали, вошел дежурный офицер и доложил:

— Товарищ генерал-майор, ученые и инженеры собраны, ждут в коридоре.

– Очень хорошо. – Барышников поднялся, быстро прошелся по кабинету, что-то обдумывая. – Очень хорошо. Вы вот что, капитан, сводите их в столовую и проследите, чтобы они обедали не менее часа. Нам с подполковником край как этот час нужен.

– Слушаюсь. – Капитан откозырял и бесшумно удалился.

– Да, за этот час нам еще многое нужно успеть. Потом проведем совещание с представителями НИИ, отпустим их для сборов, пообедаем и снова за работу. Так на чем мы остановились? Да, на американцах. Так вот, Александр Васильевич, всего американцам не увезти. Как не собрать им и всех ценных сотрудников авиазаводов. Посудите сами, часть научно-технического персонала бежала от бомбежек куда попало, часть бежала на Запад в ходе нашего наступления, часть, безусловно, осталась. Все эти части должны стать объектом ваших оперативных разработок. Вам не придется работать с чистого листа, кое-чем мы располагаем.

Барышников достал из сейфа несколько тонких папок и разложил их перед Савельевым.

– Вот поглядите, это список сотрудников заводов и инженерно-конструкторского центра в Дессау, нечто похожее на наше штатное расписание. Вот это, – генерал раскрыл папку коричневого цвета с грифом городского отдела гестапо в Дессау, – перечень сотрудников заводов Юнкерса в Дессау, стоявших на учете в гестапо, как лица, постоянно работавшие со сведениями, составлявшими государственную тайну.

Этот документ важен тем, что содержит полные сведения не только о сотрудниках, но и о членах их семей и близких родственниках с указанием места жительства. А вот эта папочка имеет особую ценность. Здесь реестр всех тайных секретных сотрудников гестапо, завербованных в среде работников заводов и конструкторского центра. Вряд ли всем удалось бежать. Хотя надо признать, американцы и англичане превратили Дессау в руины. Жителей осталось немного.

– Откуда эти документы, Владимир Яковлевич?

– Разведка подсуежилась. – Барышников подмигнул Савельеву. – Перед самым приходом американцев прямо у них из-под носа увели. Они, американцы, это поняли и, уверяю вас, не простили. Так вот, об американцах. После их ухода из Саксонии и Тюрингии, будьте уверены, их разведка там активизируется. Они не перестанут искать технические документы по конструированию и производству различных летательных аппаратов, особенно о новых разработках реактивных самолетов, и в первую очередь штурмовиков и бомбардировщиков. Их также интересуют новые композитные материалы, новые сплавы и полимеры, применявшиеся немцами в самолетостроении, новые разработки двигателей, авиационное вооружение, в частности проекты многоствольных автоматических пушек револьверного типа, и многое другое. Полагаю, контрразведывательной работы у вас будет невпроворот. Создавайте свою сеть осведомителей, вербуйте немцев, собирайте и тщательно анализируйте информацию.

– Владимир Яковлевич, разрешите закурить. – Савельев потянулся к карману кителя.

– Не курю и вам не советую. Теперь о составе группы. В общих чертах она сформирована и, как я ранее говорил, состоит из двух частей, военной и инженерно-исследовательской. – Барышников вынул из сейфа новую пачку папок. – Начнем с военной. Заместителем командира группы, считайте первым замом, назначен майор Снигирев Иван Иванович, опытный контрразведчик, ранее служивший начальником разыскного отделения отдела контрразведки «Смерш» стрелкового корпуса 2-го Белорусского фронта, чистильщик от Бога. Хорошо владеет немецким. – Генерал передал Савельеву личное дело зама. – Заместитель командира группы по оперативной работе майор Бурляев Игорь Владимирович, бывший старший оперуполномоченный отдела военной контрразведки отдельной мотострелковой бригады НКВД войск охраны тыла действующей армии 1-го Украинского фронта. Характеризуется положительно, но я его не знаю. Его задача – ограждение личного состава опергруппы от лишних глаз и ушей, от несанкционированных контактов с немцами, американцами и всякими прочими шведами, как бы выразился Маяковский. – Генерал усмехнулся и, явно стесняясь своего замечания, поскорее спрятал улыбку. – Заместитель командира группы по тылу майор Кубацкий Михаил Иванович, ранее служил замполиту танковой бригады в танковой армии Ротмистрова. Говорят, его лично командарм

уважает за порядочность. Майор Кутовой Ярослав Михайлович, командир приданной группе отдельной авиаэскадрильи. По отзывам – отличный авиационный разведчик, владеет немецким.

– А каков парк машин эскадрильи?

– Все машины трофейные, но в прекрасном состоянии. Два десантно-пассажирских Ju-52, четыре малыша «Физилер-Шторьх» и три бомбардировщика He-111, переоборудованных под транспортники. Пока все машины на аэродроме в Бреслау. Группе придан отдельный сводный мотострелковый батальон «Смерша» во главе с майором Губенко Павлом Васильевичем, он до Победы командовал ротой «Смерша» в батальоне вашего фронтового управления. Вы его наверняка знаете.

– Хорошо знаю. Помогал нам в Берлине со своими бойцами конвоировать задержанных фашистов, охранял группу полковника Грабина. Толковый офицер.

– Ну и славно. – Барышников убрал в сейф папки с документами. – Транспортное обеспечение группы ляжет на один из автомобильных батальонов фронтового подчинения. Там в основном большегрузные машины, «студебеккеры». Но и трофейные мощные «бюссинги» подбросим. Придаем вам и отдельную роту связи, и саперную роту, и батальонный медпункт. Одним словом, Савельев, большое хозяйство принимаете.

– Это точно. Не хватает только танковой бригады и полка

катюш, – невесело пошутил Савельев.

– Как знать, подполковник, как знать. В нашем деле все может пригодиться. Сейчас проведем совещание с прикомандированными. Заодно познакомитесь с будущими подчиненными.

Глава 5

Однажды в палату вошел раненый военнопленный, достал из-под койки утку и, не взглянув на Баура, удалился. Через некоторое время он вернулся с чистым сосудом.

– Добрый день, господин группенфюрер. – Пленный вытянулся в струну, по уставу прижав ладони к бедрам и чуть назад отодвинув локти.

Баур внимательно разглядывал пленного, но никак не мог признать его, облаченного в мешковатую застиранную больничную пижаму, с повязкой, скрывавшей правую сторону лица вместе с глазом.

– Простите, – Баур попытался привстать, но боль отбросила его на подушку, – не узнаю вас. Представьтесь, будьте добры.

– Штурмфюрер СС Миш. Телефонист коммутатора рейхсканцелярии.

Баур вспомнил этого скромного связиста, сутками несменяемого в фюрербункере, валившегося от усталости, но всегда приветливого и отзывчивого на шутки. В последние дни рейха к нему заходили все обитатели подземелья узнать последние новости с фронта, сплетни и слухи, расползавшиеся по еще уцелевшим телефонным кабелям. От него Баур получал информацию с западных аэродромов, куда из Берлина перегонялись тяжело груженные документами, картина-

ми, драгоценностями, дорогой мебелью самолеты его особой правительственной эскадрильи.

– Приветствую вас, Миш. Присаживайтесь. Бергмюллер небось проболтался?

– Никак нет, господин группенфюрер. Бергмюллер тут ни при чем. – Миш присел на краешек кровати и поправил одеяло. – Я немного знаю русский. Краем уха слушаю, о чем говорит персонал и охрана. Узнал кое о ком из наших, находящихся здесь, в госпитале. Вот про вас услышал и осмелился навестить.

– Как в плен попали, Миш? Куда ранены?

– Уходил я из бункера, господин группенфюрер, в составе сводного взвода, прикрывавшего отход вашей группы. Перед отправкой господин группенфюрер Раттенхубер построил нас и предупредил: вы, мол, выполняете особо важное задание, отвечаете за жизнь господ лехляйтера и рейхсминистра Бормана, группенфюреров СС Мюллера и Баура. Ну, мы, ясное дело, и прикрывали вас, как могли. Но на Цигельштрассе нас отрезали русские танки и пехота. Думаю, от взвода мало кто остался в живых. Ранило меня осколком танкового снаряда. Задело ухо и бровь, содрало кожу на щеке. Жить можно. – Миш улыбнулся.

Баур, с нескрываемым интересом выслушав рассказ телефониста, спросил:

– Про кого еще слышали здесь, в госпитале? Что-нибудь известно о Бормане, Мюллере, Раттенхубере?

– Раттенхубер, – Миш перешел почти на шепот, – со слов русских, тоже ранен, но, говорят, его самолетом отправили в Москву. О Бормане и Мюллере противоречивые сведения. Некоторые наши и русские говорят, сбежали они, вырвались из Берлина, значит. И что их даже американцы с англичанами не схватили.

Баур не слышал последней фразы. Он вспоминал ту страшную ночь прорыва второго мая. Он хорошо видел бежавших перед ним Бормана и Мюллера неподалеку от железнодорожной станции Лертер, взрыв русской мины, выпущенной тяжелым минометом и поднявшей столб огня и дыма, скрывший бежавших впереди. Он был абсолютно уверен в гибели своих коллег. От осколков 120-миллиметровой мины, разлетавшихся в радиусе ста метров, на открытой местности спастись невозможно.

Миш продолжал:

– Другие утверждают, что оба погибли, что сами видели, как русские хоронили их останки в общей могиле у железнодорожного полотна вместе с десятками трупов наших солдат. Одеты ведь они были в десантный камуфляж, как и мы все, как простые солдаты. Даже и не знаю, господин группенфюрер, кому верить.

– Они погибли, Миш.

– Откуда вам это известно? Прошу меня простить, господин группенфюрер.

– Я видел своими глазами, как их убило осколками рус-

ской мины. Можете всем нашим об этом сказать. Никому не позволяйте спекулировать фактом их спасения. Они погибли, Миш. Кого вы еще видели в госпитале и о ком что-нибудь слышали?

Миш потер ладонью лоб и поднял вверх указательный палец:

– Вот, вспомнил. Один русский капитан говорил другому офицеру, чина которого, простите, не рассмотрел, что в госпиталь поступили контуженный или раненый штурмбанн-фюрер Гюнше и...

– Какой Гюнше, Отто, адъютант фюрера? – прервал его Баур.

– Похоже, он самый, господин группенфюрер. А еще они говорили о бригаденфюрере Монке и генерале артиллерии Вейдлинге. Но я не понял, в госпитале они или в лагере.

– В каком лагере? О каком лагере речь?

– Как в каком? В этом самом, в котором мы с вами находимся, господин группенфюрер.

Баур остолбенел. Он был уверен, что с момента пленения находился в госпиталях, вначале во фронтовом, а теперь в тыловом.

– Не понимаю вас, Миш, мы что, содержится в лагере?

– Конечно, господин группенфюрер. Мы находимся в Позене¹², в лагере № 173 для германских военнопленных. А при лагере имеется госпиталь. – Миш вынул из кармана пижамы

¹² Позен – немецкое наименование польского города Познани.

замусоленный клочок бумаги, расправил его и протянул Бауру. – Вот видите, эвакуационный госпиталь № 2805 при лагере НКВД № 173.

Баур увидел на клочке жирный фиолетовый штемпель с реквизитами госпиталя и лагеря. Мурашки побежали по коже. Только теперь до него дошло: началось настоящее пленение, госпиталь – лишь часть этого унижительного процесса. Но он взял себя в руки, нельзя нижним чинам даже на секунду показывать свое смятение.

– Послушайте, Миш, у вас остались в Германии родные?

– Никого, господин группенфюрер. Я сам из Цинтена, что в Восточной Пруссии. Слыхали, наверное? Маленький тихий и очень зеленый городок. Ничего от него не осталось. Русская авиация стерла его с лица земли. Бомба попала в наш дом. Разом все и погибли – бабушка, мать и сестра. Теперь я один.

– Примите мои искренние соболезнования, Миш. А я, как вы видите, отныне инвалид. Буду просить русских дать мне в помощники кого-либо из немецких солдат. Если удастся решить этот вопрос, не согласитесь ли принять на себя это бремя?

Миш поднялся с койки, вновь встал по стойке смирно и, как положено по уставу, ясно и громко ответил:

– Так точно, господин группенфюрер! Сочту за честь!

– Ну вот и прекрасно. – Баур улыбнулся. – Только, прошу вас, не так громко. Не ровен час, все русские сбегутся.

А пока раздобудьте для меня блокнот и карандаш и узнайте, работает ли почта. Можем мы отправлять почтовые сообщения родным?

Глава 6

В сентябре тридцать третьего Доррит стало лучше. Настолько, что она буквально на глазах стала оживать, на лице появился румянец, голос зазвенел с прежней мелодичностью. Она энергично поглощала все, приготовленное кухаркой и мамой. Мы возобновили с ней продолжительные прогулки по берегам озера, а затем каждый раз удлинявшиеся вылазки в Мюнхен, во время которых гуляли по нашим любимым местам, посещали магазины, покупая Доррит самую модную одежду и обувь лучших коллекций Парижа, Милана, Берлина. Мы подолгу сидели на открытых террасах кафе и ресторанов, пили ароматный кофе, говорили и говорили, будто старались наверстать упущенное. Многочисленные прохожие, обращая на нас, светившихся радостью, внимание, мило улыбались и кланялись. Однажды мимо проходил пожилой шарманщик в баварской национальной одежде, в коричневой охотничьей шляпе с фазаньим пером. Он остановился перед нами, встал на одно колено и исполнил народную песню о любви молодого охотника к прекрасной дочери герцога. Я подошел и протянул ему двадцать марок. Денег шарманщик не взял:

– Молодой господин, разве можно измерить деньгами ту радость, которую я получил от искрящихся любовью ваших и вашей прекрасной фрау глаз? Будьте счастливы!

И я был по-настоящему счастлив. Все как бы вернуло меня и Доррит во время расцвета нашей любви. Мы радовались каждой минуте, внезапно отпущенной нам судьбой. Мы по-прежнему любили друг друга.

В тот счастливый сентябрь я налетал миллион километров. Выходило, по экватору я облетел земной шар двадцать пять раз. Честно признаюсь, такого радостного чувства от этого события, как прежде, не было. Я бы, наверно, и не вспомнил об этом, если бы не коллеги, раструбившие о событии во всех германских газетах и по радио. Вновь начались многочисленные поздравления и посыпались подарки. «Люфтганза» одарила меня баснословной премией и специальным золотым нагрудным знаком фирмы в виде стрелки компаса. Фирма Юнкерса вручила карманный «Брегет»¹³ из массивного золота.

Как-то вечером позвонил Геринг, сообщив о банкете, организуемом в Мюнхене друзьями и коллегами в мою честь. Доррит разволновалась, не ведая, в каком платье отправиться на банкет. Приехала сестра Мария, и они долго выбирали наряд, о чем-то весело щебеча, заглушая иногда все на свете громким хохотом.

Банкет состоялся в одном из самых дорогих и элитных ресторанов Мюнхена. Прибыло все руководство «Люфтганзы» и имперского министерства транспорта (гражданская

¹³ «Брегет» (*франц.* Breguet) – известная швейцарская часовая фирма; в 1999 г. швейцарская компания Swatch Group купила фирму Breguet.

авиация находилась под контролем этого министерства), НСДАП в лице Гесса, Бормана, Геббельса, Розенберга, Лееба, Гиммлера, вновь созданного министерства авиации во главе с рейхсминистром Герингом и статс-секретарем Мильхом. Пришли старые однополчане – лучшие летчики Германии, облаченные в новую форму люфтваффе или форму авиации военно-морского флота с боевыми наградами. Удивление вызвало появление в ресторане генеральных консулов в Мюнхене Италии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Финляндии и Японии.

Зал ресторана был полон нарядными мужчинами и прекрасными дамами, сияющими золотом и драгоценными камнями. Но, уверяю вас, никто не мог сравниться с Доррит и Еленой Ганфштенгль, затмившими всех своей красотой, свежестью, изысканными нарядами и со вкусом подобранными украшениями из бриллиантов, сапфиров и изумрудов. Я был горд своей супругой. Я был искренне счастлив.

Гости потоком несли корзины и букеты цветов, предназначавшиеся главным образом Доррит. Дипломаты вручили мне фарфоровые сервизы, статуэтки, бронзовые канделябры, а генконсул Финляндии – серебряный знак пилота ВВС своей страны с почетным дипломом, подписанным Верховным главнокомандующим Густавом Маннергеймом. Друзья-однополчане подарили мозаичное панно, выполненное в виде карты Западного фронта, с указанием рубиновыми стрелками районов, где мне пришлось принимать участие в

боевых действиях. Геринг, верный своим охотничьим пристрастиям, торжественно вложил в мои руки карабин с дорогим цейссовским оптическим прицелом. Ну а подарком Мильха, как у него всегда водилось, стал плотный и пухлый пакет с весьма чувствительной суммой в долларах.

Геринг взял в свои руки порядок на банкете и первым бизнес тост за одного из лучших пилотов Германии, его боевого товарища и просто замечательного человека, то есть за меня. Затем, строго следуя вложенному в его руки адъютантом списку, он предоставлял слово руководству министерств, «Люфтваффе», однополчанам, дипломатам. Не успел болгарский генконсул, получивший разрешение Геринга, открыть рот, в зале произошло оживленное движение. Вошли адъютанты фюрера Брюкнер и Дитрих, а за ними сам Гитлер, на ходу взмахом руки приветствовавший публику, разом вскочившую с мест в восторженном порыве. Он направился прямо к нашему столу, вручил букет роз Доррит, поцеловал ее руку.

– Вы, как всегда, прелестны, фрау Баур, – прошептал он, наклонившись к уху Доррит.

– Дамы и господа! – Голос фюрера заполнил собой все пространство зала. – Коллеги, друзья, товарищи по партии! Я рад от имени НСДАП и правительства рейха поздравить нашего боевого товарища. Баур – эталон немца, эталон современного летчика, эталон члена партии. Будьте здоровы и счастливы, дорогой товарищ и друг! Пусть ваш небесный

путь и далее освещает неугасимая звезда по имени Доррит! Желаю вам многих новых миллионов километров налета во имя рейха, во имя нашей партии!

Гитлер выступал, как говорили в его ближнем окружении, по-семейному. Говорил спокойно, не переходил на крик, но эмоционально. Доррит после комплимента покраснела и еле сдерживала себя, готовая разрыдаться от переполнявших ее чувств.

Гитлер взглянул на Брюкнера и продолжил:

– Дамы и господа! Имею честь сообщить вам о принятом мной решении присвоить капитану Бауру воинское звание майора авиации. Поздравляю вас, Баур. – Гитлер передал мне папку зеленой кожи с приказом о присвоении звания и продолжил: – Хочу также вручить вам символ чести и мужества члена НСДАП, почетное оружие.

Брюкнер передал Гитлеру, а тот торжественно вручил мне почетное оружие СС: изготовленный по особому заказу массивный кинжал с ручкой, украшенной золотом, в черных лакированных ножнах.

Я выпрямился, прижал ладони к бедрам, щелкнул каблучками и резко кивнул головой:

– Благодарю вас, мой фюрер!

Больше я ничего сказать не мог. Волнение стальным кольцом сковало горло. Гитлер похлопал меня по плечу, затем прошел к Герингу, взял его под руку, и они, о чем-то разговаривая, направились к выходу. Вскоре за ними покинули

банкет Гесс, Борман, Геббельс, Розенберг и другие партийные боссы. Незаметно исчез Мильх. Но я не обиделся. Мне даже стало как-то легче и свободнее. Гости и мы с Доррит веселились до поздней ночи.

Мы пили шампанское, много танцевали, с удовольствием общались с парой Ганфштенгль. Путци сыпал анекдотами и забавными историями о фюрере, Геринге, лидерах НСДАП, дипломатах и зарубежных журналистах. Мы от всей души смеялись, но я успевал поглядывать по сторонам и замечать, как люди Гиммлера, оставленные им в ресторане, поближе подсаживались к веселившимся и уже изрядно подвыпившим гостям, внимательно прислушиваясь к разговорам. Ганфштенгль тоже заметил агентов. Он обнял меня за плечи и с улыбкой заметил:

– Это Германия, Баур. Это немцы с их неистребимым природным свойством пить, есть за чужой счет и тут же стучать на хозяина, друга, коллегу, партнера. Авось что перепадет с барского плеча. Не нация, а сама святость. Вы не обижайтесь на меня, но этот банкет, как вы, видимо, понимаете, не только в вашу честь. Мне думается, сегодня Гитлер показался публично, в неформальной обстановке уже как полноправный хозяин Германии, и присутствие дипломатов тому свидетельство. А вот Геринг с Мильхом явно праздновали возрождение люфтваффе и создание министерства авиации. – Он налил себе полстакана виски и, не разбавляя, выпил залпом. – Ну а ваши акции, Баур, похоже, растут. Гитлер и Ге-

ринг удачно использовали ваше торжество как символ возрождения военно-воздушных сил рейха.

* * *

Доррит очень любила фотографировать и фотографироваться. Да и я слыл неплохим фотографом. Фотокамера всегда была при мне во время полетов. Однажды Гофман, просматривая мои фотографии, сделал мне предложение продать ему право опубликовать лучшие из них. Я отказался, но попросил его взять на себя обработку моих пленок, печатание и увеличение лучших снимков. Он с радостью согласился, и отныне все мои пленки хранились у него. В нашем доме и в доме сестры Марии стены украшали мои лучшие снимки Альп, улочек Берлина, Мюнхена, Парижа, Цюриха, памятников Рима, Венеции, Вены, художественно обработанные и украшенные дорогим багетом в студии главного фотографа НСДАП.

Бывая в Мюнхене, мы часто заглядывали к Гофманам на чашку кофе, не забывая при этом зайти в их студию, располагавшуюся на втором этаже очень приличного дома по улице Амлие. Однажды, не застав Гофманов дома, мы с Доррит заглянули в их студию, которая в этот час оказалась безлюдной. Не найдя никого из сотрудников, мы уже было собрались уходить, когда отворилась дверь, ведущая в лабораторию, и в студию вошла молодая, стройная, очень миловид-

ная, я бы даже сказал, весьма привлекательная девушка в элегантном платье светло-серого цвета, облежавшем ее прекрасную фигуру и подчеркивавшем длинные и стройные ноги.

– Могу я вам чем-то помочь? – спросила она.

Выйдя из оцепенения, которое не могла не заметить Доррит, глядевшая с интересом то на девушку, то на меня, я наконец представился и представил супругу. Я сказал, что зашел за фотографиями, которые должны быть уже готовы. Девушка с неподдельным интересом и милой улыбкой, чуть кокетничая, явно желая подразнить Доррит, произнесла:

– Вы и есть тот самый знаменитый летчик Баур? Рада, очень рада с вами познакомиться. И с вами, фрау Баур. – Она протянула руку вначале мне, а затем Доррит. – Ева, Ева Браун. – Девушка сделала легкий книксен. – Сейчас я проверю.

Она на минуту скрылась в лаборатории и вернулась с плотным пакетом снимков. Разложив их на столе, заметила:

– Это ваша работа? Чудесные снимки, у вас прекрасный вкус, господин Баур.

Я поблагодарил ее и, смущаясь, собрал фотографии и поскорее откланялся. На улице Доррит спросила с плохо скрываемой ревностью, давно ли я знаком с этой красавицей. Я ответил, что впервые ее вижу. Доррит, как мне показалось, не поверила. Так состоялось знакомство с женщиной, разделившей судьбу Гитлера.

Глава 7

До середины августа местом дислокации оперативной группы Савельева стал тихий городок Рослау, уютно раскинувшийся на берегу Эльбы в десяти километрах к северу от Дессау. В шестидесяти километрах северо-западнее находился Магдебург, а в тридцати километрах восточнее – Лютерштадт – Виттенберг. Рослау не был так сильно разрушен, как большинство промышленных центров Германии. Здесь сохранились узловая железнодорожная станция, известный на всю страну кораблестроительный завод, выпускавший речные буксиры, танкеры и сухогрузы, катера и самоходные баржи; чудом уцелели теплоэлектростанция, водопровод, канализация, телефонный узел, трамвайный парк, более десятка небольших заводов и мастерских и даже мост через Эльбу, от которого на юг, в сторону Дессау, уходило шоссе. Сохранность города объяснялась не только быстротой наступления войск 1-го Украинского фронта маршала Конева и, следовательно, высокой скоростью отступления немцев, стремившихся там, за Эльбой, сдать в плен американским войскам, подошедшим к реке с юга. Американцы и англичане не знали, что большинство заводов и мастерских города уже давно производили продукцию в интересах авиапромышленности Германии, в том числе и для концерна Юнкерса в Дессау. Поэтому их бомбардировщики, камня на

камне не оставившие от Дессау, не тронули Рослау.

Рослау, окруженный ухоженными лесопарковыми массивами, тонул в душистых зарослях акаций, сирени, жасмина, барбариса и множества разновидностей спиреи. Эти ароматные кущи казались естественными, но были тщательно и со вкусом подстрижены и вычищены. Нарядно сияли белым цветом покрашенные известью стволы яблонь, груш, слив, вишен в садах на частных участках. Мощенные камнем мостовые, изрядно попорченные немецкими и советскими танками, уже находились в завершении ремонтных работ. По городу ходило два полупустых трамвайных вагончика, один красного, другой желтого цвета. Улицы сияли чистотой. Несколько маленьких пивных торговали пивом, а в двух кафе с летними террасами подавали ячменный кофе. Все это виделось советским бойцам и командирам картиной неизвестной, загадочной жизни, незнакомого, а значит, непонятного советскому человеку весьма зажиточного образа жизни немцев, имевших в большинстве своем в собственные дома, одетых в добротное платье и обутых в крепкие кожаные ботинки и туфли.

Многих раздражала эта немецкая чистота и ухоженность, этот, пусть и призрачный, достаток, неизменные улыбки немцев, рожденные то ли страхом, то ли, казалось многим, насмешкой над русскими. Только вышедшие из самой страшной в истории человечества кровавой бойни, сломившие самого опасного на земле зверя, потерявшие родных

и близких, однополчан, израненные и контуженные, прошагавшие с востока на запад через сожженные и разграбленные города и села, красноармейцы и командиры по инерции готовы были мстить немцам. Они и мстили. Мародерство и насилие захлестнули оккупированную Германию. Не успел Савельев распаковать чемодан, как дежурный выложил перед ним почту, стопку документов с полметра высотой. Одним из первых он прочитал донесение:

«Начальнику Отдела по руководству военными комендатурами полковнику т. Шестакову

В районе ЦЕРБСТ отмечены факты, когда выходящие в поле для работы женщины подвергались насилию, что сейчас во многом тормозит окончание полевых работ. Сельская полиция, там где она создана, не стоит на высоте задач. Она совершенно игнорируется отдельными военнослужащими. В работе неинициативна, не может понять своих задач, даже сторонится работников комендатур, стараясь не попадаться на глаза. Два дня назад в районе города РОСЛАУ один из полицейских, ехавший на велосипеде по заданию Ландрата и военного коменданта, был остановлен по дороге группой военнослужащих, которые забрали велосипед, сняли наручные часы и ушли. Об изложенных фактах безобразий проинформирован инструктор 7-го отдела политотдела 33-й армии майор Лиханов...

Инспектор Отдела по руководству военными комендатурами

Савельев почесал затылок. «Похоже, и это на нас взвалят, ведь комендатурам явно не справиться. Ладно, проживем – увидим».

Опергруппа с приданными ей подразделениями и техникой разместились на территории бывшего военно-инженерного училища вермахта, на северо-западной окраине города, по соседству с городским управлением полиции (там же ранее располагалось местное гестапо) и моргом. Когда Савельев впервые обходил территорию городка со своими заместителями, майор Кубацкий, зампотылу, крепкий коренастый сорокалетний мужичок с умными и добрыми глазами, с удовольствием и без всякого бахвальства рассказывал начальнику:

– Вот здесь, товарищ подполковник, – он указал на два ближайших от ворот и забора двухэтажных здания, покрытых так называемой немецкой шубой из цементного раствора с добавлением толченой красной глины, отчего чуть розоватые стены выглядели свежими и аккуратными, – размещаем две роты мотострелкового батальона, а третью роту – в последнем корпусе, в самом конце городка, чтобы под охраной был, так сказать, весь комплекс сразу. В домах и оборудованные оружейные комнаты есть, и казарменные помещения с туалетами, умывальниками, душем. Представляете, немцы всю мебель в целости и сохранности оставили!

Вдоль центральной аллеи военного городка, обсаженной с

обеих сторон березами и липами, по правой стороне, торцом к аллее, вытянулась линейка однотипных двухэтажных зданий, между которыми располагались турники, брусья, гимнастические стенки, сваренные из металлических труб, места для курения – врытые в землю бочки и вокруг них покрашенные в зеленый цвет деревянные скамейки. Слева от аллеи – стадион и плац с высоким флагштоком и совершенно свежим алым стягом на нем.

За мотострелками разместились рота связи, саперная рота, медпункт. Три корпуса отвели автомобильному батальону фронтового подчинения. Дальний конец городка венчал большой автопарк с гаражами и полуоткрытыми боксами. Там же были отдельные ворота с контрольно-пропускным пунктом для группового выезда техники.

Правее шеренги казарм выглядывало двухэтажное здание бывшей администрации военного училища в обрамлении кленов, дубов и каштанов, с балконом на фасаде. Майор Кубацкий разместил в нем штаб опергруппы. Разместил, надо сказать, весьма комфортно, обеспечив кабинеты должностных лиц добротной мебелью, плюшевыми шторами, немецкими телефонными аппаратами, трофейными картами Германии, Саксонии, а кабинеты начальника и его первого зама, майора Снигирева, а также свой еще и картами Анхальт-Цербстского района, где располагался Рослау. За штабом находились четыре небольших здания гостиничного типа в два этажа, бывшие дома проживания офицерского со-

става немецкого училища. В двух из них Кубацкий разместил командный состав опергруппы, а два других отвел ученым, инженерам и конструкторам. Зная по собранной информации о скромности Савельева, зампотылу не решился разместить командира в отдельном коттедже, ранее принадлежавшем начальнику училища, генерал-майору инженерных войск фон Бродицу, сбежавшему 2 мая за Эльбу и благополучно сдавшемуся американскому патрулю. Кубацкий мудро предложил командиру оставить коттедж как гостевой домик для вышестоящего начальства, которое, безусловно, периодически станет наведываться в места дислокации новой воинской части. Савельева же он разместил на втором этаже офицерского общежития в большой светлой комнате с отдельным душем и туалетом.

Длинное одноэтажное здание столовой для нижних чинов, пристройка к нему, служившая офицерской столовой, и мощная котельная с огромными кучами неиспользованного силезского угля, прятались в рощице ясеня и клена. За котельной, примыкая почти вплотную к восточной стороне забора, тесно ютились складские помещения, учебные классы, аккуратные штабели досок и металлических лесов, покрытые гофрированным железом. В одном из помещений бывшего склада оборудовали тюрьму на двенадцать камер, в которой все было как положено: дежурка, комнаты следователей, туалеты, душевая, бельевого склад.

Всюду ощущалась не только немецкая аккуратность и бе-

режливость, но и твердая рука опытного и рачительного фронтового тыловики и профессионального хозяйственника. Савельев, вместе со штабом около двух часов осматривавший хозяйство, остался доволен:

– Благодарю вас, Михаил Иванович. Уверен, так будет и впредь.

После осмотра городка состоялось первое совещание руководителей. Майор Снигирев доложил о готовности группы выполнять свои задачи, о поступлении приданных подразделений и техники, в том числе и о размещении на ближайшем к городу аэродроме прибывшей из Бреслау авиаэскадрильи. Он сыпал цифрами, фамилиями, номерами воинских частей, названиями городков и местечек, промышленных предприятий и мастерских. Генерал Барышников был прав, характеризуя Снигирева: цепкий взгляд, прекрасная память, быстрое, но очень рациональное мышление, отличное владение картой.

Из доклада Савельев понял: Снигирев до приезда начальника объехал всю округу, собрал сведения о дислоцировавшихся поблизости воинских частях, их командирах и начальниках отделов контрразведки «Смерш», познакомился со вновь назначенным бургомистром города и чиновниками Цербстского районного ландрата¹⁴, руководством формирующейся местной полиции, а также с военным комендан-

¹⁴ Ландрат – орган местного самоуправления в советской зоне оккупации Германии.

том Рослау и военными комендантами близлежащих городов. Именно Снигиреву предстояло быть первым заместителем руководителя опергруппы, только ему Савельев мог доверять полностью. На Снигирева он решил возложить не только организацию безопасности работ, разведывательную деятельность, в том числе создание агентурной сети за Эльбой, в среде немцев и американцев, но и функции начальника штаба: вопросы планирования работы, организации режима, секретного делопроизводства, служебная переписка, кадры.

– Потянете, Иван Иванович, не сломаетесь? – Савельев сделал виноватую улыбку.

Снигирев, бывший командир погранзаставы, принявший первый бой двадцать второго июня сорок первого неподалеку от Гродно, до сорок третьего года, до перевода в военную контрразведку «Смерш», воевал командиром отряда особого назначения погранвойск НКВД по выявлению и уничтожению германской агентуры, заброшенной в прифронтовую полосу. На его счету десятки уничтоженных или захваченных диверсионных групп и агентов абвера и СД. А затем тонкая, почти ювелирная работа разыскника военной контрразведки, выявление натурализовавшихся немецких агентов, предателей и пособников оккупационного режима. Он неплохо владел немецким и польским языками. Этот среднего роста, крепко сложенный, лобастый тридцатидвухлетний майор с приятным лицом и острым взглядом

излучал недюжинную силу и надежность.

– Потянем, товарищ подполковник. Войну вытянули и эту работу как-нибудь осилим. – Снигирев говорил без бахвальства, спокойным ровным голосом уверенного в себе человека.

На второго заместителя, майора Бурляева, Центр возложил обязанности организации контрразведывательной деятельности внутри опергруппы. Попросту говоря, осуществлять надзор за военными и гражданскими специалистами, пресекать несанкционированные контакты с немцами и союзниками, организовать цензуру почтовой переписки и литературы, выписывавшейся из Москвы или немецкой, обнаруженной в распоряжении опергруппы. При необходимости он был обязан готовить запросы в Центр, в органы НКВД и НКГБ по выявлению дополнительных сведений о тех или иных гражданских участниках группы. Когда Савельев закончил читать выписку из приказа Центра, Бурляев спросил:

– Товарищ подполковник, а кто отвечает за вопросы выявления агентов гестапо и СД среди персонала заводов Юнкерса, я или майор Снигирев?

Савельев ответил вопросом на вопрос:

– А вы, Игорь Владимирович, немецким владеете?

– Никак нет.

– Вот и ответ на ваш вопрос.

Сорокачетырехлетний Бурляев в июле – сентябре сорок первого командовал заградотрядом войск НКВД, останав-

ливал, иногда и огнем, отступавшие, а попросту бежавшие части, участвовал в фильтрации выходивших из окружения бойцов и командиров, выявил несколько немецких диверсантов, имел боевые награды. С сорок третьего служил последовательно старшим оперуполномоченным военной контрразведки «Смерш» отдельного караульного батальона НКВД, стрелкового полка НКВД, начальником отдела контрразведки отдельной мотострелковой бригады НКВД войск по охране тыла действующей армии. Худощавый, среднего роста, блондин, лицо приятное, без дефектов, нос и уши маленькие, глаза близко посажены к носу, по привычке отмечал Савельев. Он не смог определить сразу, как это случилось со Снигиревым и Кубацким, нравится ему внешне Бурляев или нет. Вроде бы все как обычно, голова, ноги и руки на месте, глаза голубые, держится ровно, без подхалимства. «Нормально все, – мелькнуло в мозгу, – там посмотрим. Но где-то эта фамилия мне уже встречалась. Или сам образ?»

На майора Губенко, командира отдельного мотострелкового батальона военной контрразведки «Смерш», были возложены функции организации охраны практической деятельности опергруппы, военного городка и конвоирования задержанных. Губенко, высокий, стройный чернявый красавец, только перешагнувший тридцатилетний рубеж, недавно прибыл из госпиталя и был искренне рад встрече с Савельевым.

– С вами, Александр Васильевич, хоть до смерти служить готов!

– Не болтай, Паша, лишнего про смерть. Ты вот недавно ее обманул, живи и радуйся.

История с Губенко и вправду приключилась странная. Седьмого мая в Берлине он со своими бойцами конвоировал группу немецких офицеров на допрос в управление контрразведки 1-го Белорусского фронта. Один из немцев упал на колени. К нему бросился лейтенант, командир взвода, и наклонился. Немец в одно мгновение выхватил из кобуры лейтенанта пистолет и успел дважды выстрелить в Губенко. Падая, капитан закричал:

– Брать живым! Не стрелять!

Первая пуля попала в медаль «За отвагу». Вторая – в висевшую рядом «За боевые заслуги», скользнула и впилась в левое предплечье. Немец стрелял мастерски. Быстро выяснилось, что капитан Губенко и штандартенфюрер СС Гребер – старые знакомые. Летом сорок четвертого рота Губенко неподалеку от Молодечно в Белоруссии зачищала лес от остатков окруженных гитлеровцев. В плен попался штурмбаннфюрер СС, командовавший карательным батальоном, два года наводивший своей жестокостью ужас на жителей Витебской и Минской областей. Его сразу признали местные сельчане. Но внезапно налетели немецкие самолеты, и в панике бомбежки некоторым немцам удалось бежать. Скрылся и штурмбаннфюрер Гребер, дослужившийся к концу вой-

ны до звания штандартенфюрера и командовавший отдельной панцергренадерской бригадой СС. Гребер узнал капитана Губенко и страшно испугался раскрытия. А вот Губенко Гребера не узнал и чудом остался жив.

Глава 8

Баур написал заявление на имя начальника лагеря военнопленных с просьбой назначить ему ординарцем штурмфюрера СС Миша на время, пока Баур сам не сможет себя обслуживать. Каково же было его удивление, когда однажды в палату вошли капитан НКВД и улыбавшийся Миш. Капитан достал из папки листок бумаги и по-немецки зачитал Бауру приказ начальника лагеря № 173 ГУПВИ НКВД СССР о временном прикомандировании военнопленного штурмфюрера СС Миша в качестве ординарца к тяжелообольному военнопленному группенфюреру СС и генерал-лейтенанту полиции Бауру на период послеоперационной реабилитации последнего. Закончив чтение, капитан строго произнес:

– Военнопленный Баур, в соответствии с правилами содержания военнопленных вам запрещено вести с ординарцем разговоры на политические и военные темы, обсуждать лагерный режим, хранить колющие и режущие предметы и просить ординарца о доставке их вам, передавать через ординарца письма и записки, использовать ординарца в качестве посредника для организации встреч с другими военнопленными, получать от ординарца любые фармацевтические средства, не санкционированные лечащим врачом лагерного лазарета. Военнопленному Мишу зачитаны его обязанности и права. Вам все понятно?

– Да, господин капитан, мне все понятно. Благодарю вас за удовлетворение моей просьбы. Полагаю, обслуживающему персоналу лазарета будет гораздо легче при присмотре надо мной Миша.

Баур расписался на приказе, и капитан покинул палату. Миш потер от удовольствия руки, присел на койку Баура и заговорил шепотом:

– Полагаю, господин группенфюрер, мы с вами теперь надолго.

– Дай Бог, Миш, дай Бог.

– Докладываю. Группенфюрер Раттенхубер действительно недолго находился в этом лазарете. Он тяжело ранен в ноги, его прооперировали, но неделю назад за ним из Москвы прилетел самолет с офицерами военной контрразведки. Говорят, его доставили в какой-то центральный госпиталь при одной из главных тюрем НКВД.

– Его допрашивали здесь?

– Не могу знать точно, господин группенфюрер, но полагаю, что да. Они всех допрашивают.

– Главное, чтобы Раттенхубер не проболтался ни о ком, кого он видел из наших здесь, в лазарете.

– Думаю, вряд ли кого он мог видеть. Говорят, он был в тяжелом состоянии.

– Хорошо, Миш. Что еще удалось узнать?

– Сведения о том, что в лазарете после пленения ранеными находятся инспекторы Хофбек и Хеншель, подтвер-

дились. Они в сносном состоянии, поэтому их каждый день таскают на долгие допросы.

– Бьют?

– Похоже, нет, господин группенфюрер. Они в порядке. Хуже со штурмбаннфюрером СС Линге, он тоже здесь. Вот ему, похоже, крепко достается. Ранен-то он легко, но с допросов его каждый раз тащат два солдата. И лицо его, я вам скажу, очень даже изменилось, опухло сильно, все в кровоподтеках. Жаль Линге.

– Да, Миш, жаль. Зная Линге, думаю, он долго не выдержит. Человек, избалованный высшим светом, старший камердинер фюрера все же, очень эмоциональный, натура, как говорится, тонкая. Может сломаться и наговорить всякой ерунды про фюрера, про нас, а русским только это и надо. Бергмюллера, Хеншеля и Хофбека я плохо знаю. Думаю, они меня тоже. Если, конечно, во время допросов не насочиняют чего-либо. Скажите, Миш, а вас допрашивали?

– Конечно, допрашивали, раз пять, наверное, или шесть. Вежливо, правда, но строго. Потом давали подписаться, но я ничего не понял.

– А зачем же подписывали? Может быть, вы себя оговорили?

– Так ведь страшно было, господин группенфюрер. Видели бы вы, какие кулачища у конвойных, прямо трехлитровые пивные кружки, что из «Байришер-Бир» на Петерплац в Мюнхене!

– Вы там бывали?

– Один раз всего. Я под Мюнхеном в школе связистов СС учился, так вот однажды в сороковом году в увольнении решил заглянуть туда. Ну, я вам скажу, и цены там были! Мес-сячное денежное довольствие оставил за литр пива и порцию белых баварских сосисок!

– Да, вы правы, это дорогой пивной ресторан, не для бед-ных. Кстати, фюрер никогда туда не заходил из-за дорого-визны, считая, что такое же пиво и такие же сосиски можно было отведать в любой мюнхенской пивной. Миш, а о чем вас русские спрашивали во время допросов?

Миш потер пальцами виски, долго не отвечал, уставясь взглядом в одну точку пола.

– Разное спрашивали, господин группенфюрер. Про се-мью, работу до войны, где воевал, какие имею награды, как попал в рейхсканцелярию, в фюрербункер. Заставляли несколько раз рисовать его план, указывая помещения, ко-торые занимали фюрер, госпожа Браун, рейхсминистр Геб-бельс и его семья, группенфюреры Раттенхубер и Мюллер, рейхслайтер Борман, рейхсгендфюрер Аксман, бригаден-фюрер Монке, адмирал Фосс, генерал Бургдорф, доктор Штумпфеггер и вы, господин группенфюрер.

– Что спрашивали про фюрера?

– Да много чего, я уже и не помню. Когда, мол, видел его в последний раз, да где, да с кем. Спрашивали, видел ли я, как эсэсовцы из охраны фюрера несли его тело и тело госпо-

жи Браун во двор рейхсканцелярии, кто нес, когда, видел ли костер, на котором сжигали их трупы.

– Ну а вы что?

– А что я, господин группенфюрер? Я фюрера в бункере и видел-то всего два раза. Один раз – двадцать пятого апреля, а другой – двадцать восьмого. Да и то со спины, когда он с кем-то шел по коридору. А кто его выносил, когда и куда, понятия не имею.

– А что они спрашивали про Мюллера, Бормана, Раттенхубера, Аксмана, Монке?

– Да все то же. Где, когда, с кем, при каких обстоятельствах? Я честно им рассказал, что ко мне в рубку заглядывали многие послушать эфир. Но чаще других группенфюрер Раттенхубер и бригаденфюрер Монке. Они же вели радиопереговоры с генералами Вейдлингом и Хейнрици. А о чем, я не помню уже.

– Что спрашивали обо мне?

– Да все то же. Кто вы такой, когда появились в фюрербункере, с кем общались, когда виделись с фюрером, когда и с кем пошли на прорыв?

– Ну и что вы?

– Я ответил, что вы – личный пилот фюрера, и больше ничего. Они это и без меня уже знали. Так и спросили: «Что можете сказать о личном пилоте Гитлера Гансе Бауре?» А я-то про вас, господин группенфюрер, слава богу, и так не знаю ничего. Ничего про вас в бункере не слышал, не видел,

когда и с кем уходили. Так им и сказал. Думается мне, что они больше не будут меня допрашивать. Что с меня, простого солдата, взять можно? Ах, да, забыл совсем. Спрашивали меня, не желаю ли я вступить в какой-то антифашистский фронт, возглавляемый генерал-фельдмаршалом Паулюсом? Ну, я ответил, что ничего не знаю про такой фронт и после войны ни на каких фронтах воевать не желаю. А один из офицеров обругал меня идиотом, не желающим занять в новой Германии достойное место. Например, должность какого-нибудь полицейского начальника, работника бургомистра или управляющего телефонной станцией.

– Молодец, Миш. Они ведь вас таким образом подкупали. Держитесь и дальше такой же линии поведения: никого и ничего не знаю, ничего не слышал. Хотя, кажется, вы не правы. Допрашивать они вас еще будут, и не один раз. И сладкие пилюли вновь предлагать будут. Смотрите не сломайтесь. Еще ничего не потеряно. Германия, Миш, удивительно живучая страна, а народ наш могуч, талантлив и терпелив.

– Слушаюсь, господин группенфюрер. Во мне можете не сомневаться. Не хотел вам сразу говорить неприятную вещь. Ваш заместитель, штандартенфюрер СС Бетц умер здесь, в лазарете.

– Как? Что с ним случилось? Я ведь его видел в последний раз второго мая, накануне прорыва. Он уходил с Науманом¹⁵

¹⁵ Науман Вернер (1909–1945) – нацистский журналист. Член НСДАП с 1928 г., в составе войск СС участвовал в сражениях под Москвой, был ранен и

и доктором Штумпфеггером в одной группе.

– Говорят, что прорваться удалось одному Науману. Доктор Штумпфеггер погиб неподалеку от рейхсляйтера Бормана. Это вы и сами видели. Штандартенфюрер Бетц получил осколочное ранение в голову и скончался на операционном столе здесь, в лазарете.

Баур отвернулся к стене, чтобы никто не видел слез на его впалых и небритых щеках. Миш вытащил из-под кровати утку и на цыпочках вышел из палаты.

обморожен, служил в центральном аппарате СС; с октября 1941 г. – управляющий делами имперского министерства пропаганды, с апреля 1944 г. – статс-секретарь министерства, ближайший сотрудник Геббельса; прорвался из Берлина 2 мая 1945 г.; в правительстве адмирала К. Деница занял пост министра просвещения и пропаганды, был арестован американцами вместе с другими министрами кабинета Деница, более 5 лет находился под следствием, но к суду не привлечен; был освобожден в 1950 г.

Глава 9

Как я уже говорил ранее, ни ставший рейхсминистром авиации Геринг, ни Мильх, назначенный статс-секретарем и заместителем министра, так и не смогли (или не захотели) определиться с моим статусом и найти мне место во вновь создаваемых военно-воздушных силах. Целый год и Гитлер не знал, где бы найти пристанище моей должности личного пилота рейхсканцлера Германии и фюрера немецкого народа. Он и слышать не хотел о том, чтобы подчинить меня Герингу. Наконец, в январе тридцать четвертого он принял решение о создании особой авиационной эскадрильи, предназначенной для обслуживания только высшего руководства страны. Специальным указом рейхсканцлера на должность командира этой авиаэскадрильи в звании майора авиации был назначен я.

Между тем юридически иерархия моего подчинения так и не была прояснена. Я ведь не числился в штате возрождаемых люфтваффе, был также уволен из «Люфтваффе», следовательно, не мог получать ни там ни там денежного содержания. Рейхсминистр Ламмерс, управлявший рейхсканцелярией, предложил Гитлеру считать меня на государственной гражданской службе и подчинить мою авиаэскадрилью ему. Гитлер возмутился и заявил в присутствии Ламмерса, Гесса, Гимmlера и меня в том смысле, что Баур – человек

военный, старый солдат и заниматься всякой канцелярщиной ему не с руки. Он приказал Гиммлеру зачислить меня в СС, куда на баланс передать и всю технику с личным составом моей эскадрильи. Такой поворот событий устроил многих. Гитлер, таким образом, сохранил надо мной единоличное руководство, оградив меня и моих людей от поползновения Геринга. Гиммлер был удовлетворен тем, что в СС появилась возможность развивать авиацию, не подчиненную Герингу. Да и в целом Гиммлер, побаивавшийся Геринга, был очень доволен, что всеильному рейхсминистру утерли нос и сделал это сам Гитлер. Для меня сохранялась относительная свобода в выборе кадровых и технических решений при единоличном подчинении фюреру.

Конечно, Геринг и Мильх были крайне недовольны. Но это меня интересовало уже в последнюю очередь. Вскоре приказом Гиммлера мне было присвоено специальное звание штурмбаннфюрера СС и майора полиции, а все мои люди зачислялись в СС с соответствующими их должности званиями. Нас переодели в черную форму СС, которой я искренне гордился. Я договорился с Гиммлером о том, чтобы на форменных фуражках и пилотках разместили особые знаки военно-воздушных сил – парящий орел, несущий в когтях свастику.

Финансовые, кадровые и технические вопросы были решены, и я наконец приступил к формированию эскадрильи. Я подписал с концерном Юнкерса контракт о приобретении

шести пассажирских Ju-52, надежных и испытанных машин, поставленных уже к лету тридцать четвертого года. Вскоре мы получили шесть самолетов «Шторьх» и два «Зибель», маленьких, но очень прочных машин, предназначенных для доставки спецпочты и курьеров фюрера и правительства, а также для обслуживания высших должностных лиц. В распоряжении Гитлера всегда находились три Ju-52. Личные самолеты указом фюрера предназначались также Герингу и Гессу. Вскоре этот список пополнился рейхсминистром пропаганды Геббельсом, рейхсфюрером СС Гиммлером, генералом Кейтелем и адмиралом Редером.

Интересный разговор по этому поводу как-то произошел между фюрером и Герингом, свидетелем которого по неволе оказался я. Геринг, получив утвержденный фюрером список высших руководителей, немедленно прибыл в рейхсканцелярию. В тот момент Гитлер вместе с Гофманом, Шпеером¹⁶,

¹⁶ Шпеер Альберт (1905–1981) – архитектор, автор проекта новой рейхсканцелярии и территории съездов НСДАП в Нюрнберге, входил в ближний круг Гитлера; с 1937 г. – генеральный инспектор имперской столицы по строительству, в 1941–1945 гг. – депутат рейхстага, с 1942 г. – рейхсминистр вооружений и боеприпасов, генеральный инспектор дорог, водных и энергоресурсов, с 1943 г. – рейхсминистр вооружения и военной промышленности; 23 мая 1945 г. был арестован союзниками вместе с другими членами правительства адмирала Деница и помещен в военную тюрьму в Нюрнберге; международным военным трибуналом в Нюрнберге признан виновным в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, приговорен к 20 годам тюремного заключения, срок отбывал в тюрьме Шпандау на территории Западного Берлина; 30 сентября 1966 г. освобожден, отсидев весь срок заключения; скончался 1 сентября 1981 г. в возрасте 76 лет в отеле Park Court в Лондоне.

Борманом и мной пили чай в саду внутреннего дворика. Геринг ворвался ураганом и, в раздражении потрясая списком, заявил:

– Мой фюрер! Почему в этом списке оказался я, министр авиации?! Неужели мне требуется для полетов особое разрешение?! И что, я не волен в выборе марки самолета?! Я, профессиональный пилот?!

– Дорогой Геринг, – примирительным тоном отвечал фюрер, успев, улыбаясь, подмигнуть мне, – не горячитесь так, вам это вредно. Да, отныне и вы будете летать только с моего разрешения и только на той машине, которая пройдет специальное испытание в отряде Баура. Я не могу допускать никаких случайностей и подвергать опасности жизнь и здоровье моего преемника и личного друга. Вы нужны Германии, дорогой Герман, и мне.

От таких слов Геринг растаял и на его лоснящейся от косметических кремов физиономии заиграла самодовольная улыбка.

Вот так, господа! Учитесь у фюрера уважать верных товарищей и друзей.

Надо сказать, с образованием специальной авиаэскадрильи у меня практически не осталось свободного времени. Мне приходилось отбирать лучших пилотов, бортинженеров и техников в «Люфтваффе», по всей Германии отыскивать самый квалифицированный инженерно-технический персонал по наземному обслуживанию и ремонту машин, обучать

людей, налаживать график их посменной работы, добиваться создания им комфортных условий жизни и труда, достойной зарплаты.

Попасть к нам в авиаотряд было непросто. Кроме моего личного отбора кандидаты и все их родственники проходили тщательную проверку в полиции, а затем, после образования гестапо, в этом серьезном учреждении. От людей требовались не только профессионализм, дисциплинированность и высокая трудоспособность, но еще и определенные психологические достоинства: уравновешенный и неконфликтный характер, коммуникабельность, способность работать в коллективе, взаимовыручка и доброжелательность. Без ложной скромности скажу, мне за короткий срок удалось собрать практически идеальный коллектив, почти одиннадцать лет проработавший, как один отлаженный механизм.

На всех аэродромах, где базировались или приземлялись машины моей эскадрильи, наладили очень тщательную систему безопасности. Охрану каждого самолета поначалу несли караульные наряды в составе полицейских и эсэсовцев. Но с тридцать восьмого года охрану перепоручили только подразделениям СС со специально натренированными собаками. Ни один человек, включая охранников, не имел доступа ни в один самолет без моего личного письменного разрешения и без командира экипажа. Хотя враг предпринимал подобные попытки. Так, однажды представители абвера донесли о готовящемся акте террора против одного из лиде-

ров рейха в Праге. Злоумышленники пытались установить в самолете взрывное устройство с часовым управлением. Мину обнаружила овчарка. Но диверсанты не знали, что в соответствии с моим приказом каждый самолет моей эскадрильи перед плановым полетом проходил двойную проверку. После завершения предыдущего полета машина проверялась самым тщательным образом экипажем и инженерно-технической службой аэродрома. Такой же проверке она подвергалась накануне нового полета, а затем поднималась в воздух, совершая тестовый полет над аэродромом, длившийся не менее получаса. Такие меры надежно перекрыли все пути проникновения к машинам и предотвращали акты террора.

С 1 сентября тридцать девятого года, со времени начала войны, все полеты с фюрером сопровождались дополнительными мерами безопасности. На борт моего самолета принималась группа специально подготовленных и хорошо вооруженных офицеров СД в составе 4—5 человек. Кроме того, нас сопровождали еще три самолета с отрядом личной охраны фюрера. Одна машина вылетала и садилась раньше нас, и отряд охранников заранее проверял условия безопасности на аэродроме. Затем приземлялись две другие машины. Когда же садились мы, полсотни натренированных охранников уже надежно блокировали все подходы к фюреру.

Вначале всю систему безопасности полетов фюрера разрабатывали мы с Гиммлером. Впоследствии, когда у рейхсфюрера СС значительно прибавилось работы и ответствен-

ности, этими проблемами я занимался с Раттенхубером, с которым у меня сложились добрые и самые теплые товарищеские отношения.

* * *

Наш второй медовый месяц с Доррит, длившийся почти семь месяцев, завершился так же неожиданно, как и начался. В начале апреля тридцать четвертого после непродолжительного улучшения ее самочувствия начался новый кризис болезни, затяжной и, как оказалось, последний. В известной степени виновником ухудшения, как считала Доррит, был я. Ранее я уже говорил, Доррит ненавидела нацистов, хотя хорошо относилась к фюреру и Герингу лично, дружила с Гофманом и его супругой. Ее раздражала, как она выражалась, «звериная и человеконенавистническая идеология» нацизма, самодовольство, чванство, безграмотность и тупость вождей НСДАП. Особенно отвратительны ей были Розенберг, Гесс, Гиммлер, Шауб.

Она упрашивала меня отказаться от работы с Гитлером, остаться в «Люфтганзе», честно служить интересам Германии, будучи уважаемым и всеми ценимым летчиком гражданской авиации. Никакие доводы о чрезвычайно высокой зарплате и особом социальном статусе нашей семьи при службе с Гитлером в расчет не принимались. Когда же я однажды вернулся домой в новой форме офицера СС, Доррит

упала в обморок и двое суток находилась в бессознательном состоянии. День за днем Доррит медленно угасала. Она практически не вставала с постели, никого, кроме дочери, не узнавала. Ее лицо заострилось, а кожа постепенно приобрела пепельный оттенок. Брат Доррит и врачи, приезжавшие с ним из Берлина, утверждали, что ее дни сочтены, коллапс может наступить в любую минуту. Я тяжело переживал увядание супруги, моей любимой женщины, моего самого надежного друга. Дочь замкнулась в себе, часто тихо плакала в своей комнате, подолгу сидела рядом с матерью, гладила ее руки, о чем-то шептала.

Мама, моя добрая и терпеливая мама, все заботы о Доррит и внучке взяла на себя. Встречая меня, изредка наведывавшегося домой из-за загруженности по работе, она кормила меня, приговаривая:

– Доррит, конечно, прекрасная жена, мать и невестка. Но на все воля Божья. Дочь уже большая, ты еще молодой. У тебя вся жизнь впереди. Я уверена, ты еще будешь счастлив, а вместе с тобой и я, твоя искренне любящая мать.

Глава 10

В самом начале работы опергруппы Савельев столкнулся с несколькими, как ему казалось, неразрешимыми проблемами. Во-первых, приказ о сборе материалов, оборудования, машин, инструментов, приборов для вывоза в СССР представлялся ему сродни задаче «иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Он, привыкший к точным цифрам и фактам, поначалу растерялся, не сумев поставить ясную задачу исследователям и инженерам. Первым пришел на выручку майор Снигирев. Савельев как-то поделился с ним своими сомнениями. Снигирев принес в кабинет начальника папку с входящими документами.

– Вот, смотрите, Александр Васильевич.

Савельев читал постановления ГКО: от 28 марта 1945 года «О вывозе оборудования мастерской цветного литья в г. Рослау», от 31 мая 1945 года «О вывозе оборудования и металла с немецкого судостроительного завода акционерного общества “Гебрюдер Захсенберг” в г. Рослау на Эльбе на завод № 497 НКСП в г. Севастополь», от 8 июня 1945 года «О вывозе оборудования с различных заводов, расположенных в гг. Рослау, Каменец, Гюстров, Варнемюнде, Рейхенберг, Виттенберг, Ландесгут, Штральзунд на предприятия Наркомсудпрома».

– Думаю, Александр Васильевич, с этого и надо начать.

Ведь скоро все равно здесь появятся конкретные исполнители этих документов. Так мы хоть начнем до них.

Окончательно сомнения Савельева рассеялись после его встречи с гражданской частью опергруппы, вернее, с ее исследовательско-инженерным составом. В спешке сборов Барышникову и Савельеву так и не удалось в Москве познакомиться с представителями научно-исследовательских и испытательных институтов, знакомство произошло в Рослау. Перед встречей Савельев тщательно изучил их личные дела, узнав, что большинство сидели по 58-й статье, работали в шарашках¹⁷, у некоторых судимость не была снята. Но на первое совещание он пригласил только старших от институтов, полагая, что проку от собрания четырех десятков специалистов будет мало.

Савельев называл фамилию и должность присутствовавших, поглядывая в их личные дела.

– Кудрявцев Андрей Емельянович, кандидат технических наук, ведущий инженер ЦАГИ, специалист в аэродинамике.

Со стула поднялся высокий тощий человек с большими залысинами и кожей табачного цвета. Глубоко сидевшие карие глаза выражали глубочайшую усталость и душевную боль. На вид ему было далеко за шестьдесят, а на самом деле сорок. Из дворян. По личному указанию Абакумова его

¹⁷ Шарашка – жаргонное название закрытых исследовательских и конструкторских организаций НКВД с несколько облегченным тюремно-лагерным режимом, в которых работали в годы сталинского правления репрессированные ученые, исследователи, конструкторы, инженеры.

полуживого нашли в лагере под Вуктылом в Коми, наскоро подлечили, подкормили и включили в савельевскую опергруппу.

– Зебурх Натан Самуилович, кандидат химических наук, ведущий специалист ВИАМа, известный химик-материаловед.

Известный химик, маленький, кругленький, с улыбкой на полном румянном лице приветствовал присутствовавших легким поклоном кудрявой головы. На нем был дорогой шерстяной костюм темно-синего цвета в рубчик, белая рубашка с модным галстуком и золотыми запонками. Молодой, всего тридцать три. Но тоже сидел, правда, в шарашке, правда, недолго, всего год без малого.

– Хлебников Глеб Сергеевич, ведущий инженер ЦИАМа, специалист по авиамоторам.

«Где-то я его видел. Точно, перед войной, в тридцать восьмом, на научной конференции в Ленинграде. Он там с докладом выступал, раскритиковав авиамоторные предприятия за неудачную компоновку двигателей, которые трудно снимать при ремонте, затрачивая драгоценное время». Видимо, после этого его и взяли. Сидел в Карелии, затем шарашка, условно-досрочное освобождение по ходатайству «Смерша». Мужчина лет сорока пяти, высокий, крепкого телосложения, с крупными чертами лица, волевым подбородком и добрыми, умными глазами.

– Глеб Сергеевич, – осторожно спросил Савельев, – вы,

случаем, не выступали в Ленинграде на научной конференции по двигателям в тридцать восьмом?

– В тридцать седьмом, в октябре, гражданин подполковник.

«Гражданином» словно обухом огрело Савельева. Он чуть не вспылил, но сдержался.

– Глеб Сергеевич, мы тут все граждане СССР. И я гражданин не более, чем вы. Давайте договоримся, опергруппа – не лагерь и не тюрьма, будем по имени-отчеству либо по званию, но с «товарищ».

– Я-то, Александр Васильевич, – слегка раскрепостившись, ответил Хлебников, – знаю вас и уважаю вашу позицию. Боюсь, не получится у нас, нам ведь тут каждый день обратное твердят.

– Кто и что твердит?

– Ваш заместитель, майор Бурляев. Он напоминает нам регулярно, кто мы: временно отпущенные зэки, но все равно враги.

– Разберемся, – недовольно буркнул Савельев. – Годенков Алексей Никитич, инженер ЛИИ.

Пожилой, невысокого роста, плотный, умное, интеллигентное лицо. Не сидел. Работал с Чкаловым.

– Лобов Сергей Васильевич, майор технической службы, инженер-испытатель НИИ ВВС.

Лобов в НИИ считался доводчиком, специалистом по сбору, систематизации, грамотному оформлению замечаний

летчиков-испытателей на новую машину и доведению рекламаций до конструкторов и заводских изготовителей. Его не любили конструкторы и заводчане, но высоко ценили летчики, многим из которых он спас жизнь. Военная форма сидела на нем, человеку по духу сугубо штатском и уже немолодом для майорского звания, мешковато. Но два ряда орденских планок говорили о многом.

– Кутяйкин Михаил Петрович, майор, летчик-испытатель НИИ ВВС.

Молодой, красивый, горячий. Грудь в орденах. Бывший командир истребительного полка, воевал на МиГах, ЛаГГах, американских «Аэрокобрах». Одним словом – герой.

– Товарищ подполковник, разрешите вопрос?

– Разрешаю. – Савельев невольно улыбнулся грозному виду Кутяйкина.

– Почему меня, боевого офицера, направили сюда, на тыловую, так сказать, работу, а не на Восток, где мои товарищи готовятся громить японцев? Это несправедливо!

– Руководство, товарищ майор, хорошо знает, кто лучший летчик, чей опыт нужен в деле изучения техники противника и создания современных машин. Полагаю, вам оказана большая честь участвовать в этой очень важной государственной работе. Думаю также, вас готовят к учебе в Академии ВВС.

Кутяйкин от смущения и гордости покраснел.

– Спасибо, товарищ подполковник. Можете полностью положиться на меня.

После совещания Савельев вышел покурить и увидел одиноко сидящего на лавочке с папиросой Хлебникова.

– Позвольте присесть рядом, Глеб Сергеевич?

– Сочту за честь, Александр Васильевич. – Хлебников слегка подвинулся.

– Глеб Сергеевич, вы единственный здесь человек, с которым я хоть и шапочно, но знаком. Мне нужен дельный совет.

– Буду рад помочь, если смогу, конечно.

– С чего вы посоветуете начать поисковую работу?

– А, вот вы о чем. Думаю, надо начинать с поиска конструкторов, инженеров, одним словом, специалистов фирмы Юнкерса. И документации, конечно. А во-вторых, искать самый последний форсированный двигатель Jumo-004F и более мощный Jumo-0012. Знаю точно, один двигатель попал к американцам. Но немцы всегда изготавливали несколько штук. Уверен, он точно в Дессау, ну, или где-то рядом.

– А почему именно эти двигатели?

– Потому, Александр Васильевич, что Arado-234B2 – единственный реактивный бомбардировщик в мире с двигателем Jumo-004F, который немцы сумели изготавливать серийно.

– И что, настолько хороша машина?

– Да как вам сказать? Дело в том, что все немецкие серийно выпускавшиеся реактивные самолеты, в том числе истребители Me-163, Me-262, He-162, бомбардировщик Arado-234B2, конструировались и изготавливались по мето-

ду проб и ошибок, в спешке, зачастую неверно определяя типологию машин. Например, Arado прекрасно зарекомендовал себя в качестве разведчика, но бомбардировщиком оказался никаким. Малый объем фюзеляжа не позволил создать в машине бомбоотсек, бомбы пришлось размещать на внешних подвесках, что снизило ее скоростные качества. В экипаже не было штурмана-оператора бомбогруза, а это ухудшило возможности прицельного бомбометания. Более того, самолет вообще не имел никакого оборонительного вооружения, и практика показала, что скорость не гарантирует неуязвимость от неприятельских истребителей с поршневым двигателем. И наши МиГи, Яки, ЛаГГи, и «Спитфайеры», и «Аэрокобры» успешно сбивали эти реактивные машины. Немцы, правда, к концу войны изготовили варианты этой машины с четырьмя двигателями и пушечным вооружением, но было уже поздно.

– Ну а что двигатель?

– А форсированный двигатель Jumo-004F, должен вам сказать, взаправду очень хорош. Экономичен, безопасен, надежен. У нас ведь боятся правду-матку. Не признают немецкого превосходства в авиации, и особенно в авиамоторостроении, не желают учиться у немцев. Ох, что-то меня опять понесло по 58-й. Ну, как пить дать, припаяют новый срок!

– Да хватит вам, Глеб Сергеевич, ерничать. Сами знаете, сам Абакумов за вас хлопотал. Кто припаяет?

– Ну так вот. Ежели мы найдем этот двигатель или кон-

структорскую документацию на него, будьте уверены, на его основе мы создадим целую линейку более совершенных турбореактивных двигателей для всех типов самолетов, от истребителя и штурмовика до бомбардировщика, разведчика и транспортника. И сэкономим при этом десятки миллионов народных рублей.

– Спасибо, Глеб Сергеевич. Вот вы с майором Снигиревым и займетесь поисками двигателя, а заодно и документацией. Спасибо за помощь.

Глава 11

Послеоперационный период проходил тяжело. Рана кровоточила и гноилась. Держалась самая отвратительная температура – 37,2. Баур, терпеливо переносивший фантомные боли в ноге, периодически впадал в забытие. Но многолетнее занятие спортом, здоровый образ жизни без табака и алкоголя (хотя он любил выпить по праздникам с близкими родственниками и друзьями), железная воля, упорство и неукротимое желание выжить во что бы то ни стало делали свое дело. Его здоровое сердце и крепкий организм упрямо боролись с недугом. Безусловно, ему помогал медперсонал лагерного госпиталя. Ежедневные инъекции антибиотиков и новокаина, чистка раны растворами и перевязки, усиленное питание – можно ли было все это представить в гитлеровских лагерях в отношении советских солдат и офицеров? Но Баур об этом и не думал, полагая, что русские медики должны были считать за высокую честь лечить и обслуживать его, личного пилота Гитлера, одного из лучших пилотов Германии, группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции.

Он ни минуты не сомневался в истинности гитлеровского похода на Восток, в правомерности уничтожения русских городов и сел, гибели и порабощении миллионов советских граждан. Он, еще полуживой, медленно осознававший неволю военнопленного, продолжал оставаться убежденным на-

цистом, готовым, если это станет возможным, вновь встать в ряды великой армии германского народа и сокрушать всех ее врагов во имя бессмертной идеи фюрера об избранности арийской нации, о созидании могучего и несокрушимого рейха с лучшими в мире культурой, наукой и техникой. Он был убежден в возрождении своей страны, в скором развале союзнической коалиции. И эти вера, убежденность и надежда придавали ему дополнительные силы.

До середины июня Баур написал восемь писем: три жене, два матери, по одному сестре, зятю и своему мюнхенскому адвокату Бюхнеру, которого просил осуществлять юридический надзор за недвижимой собственностью его семьи и иметь отношения с американскими оккупационными властями. Супруге и матери он дал наказ в случае форс-мажорных обстоятельств перебраться в их новый дом в Ампфинге, приобретенный в сорок втором году. А если и там возникнут проблемы, переехать в Кемтен, в Австрийских Альпах, где незадолго до начала войны, летом тридцать девятого, ему бесплатно досталось шале, ранее принадлежавшее одному богатому еврею, погибшему в Аушвице. Это был личный подарок Гиммлера. Ни на одно из писем он не получил ответа и однажды, во время очередного прихода к нему капитана НКВД с каким-то новым опросным листом, спросил:

– Господин капитан, почему я не получаю ответов на мои письма родственникам? За месяц я их отправил восемь. Неужели так плохо работает почта союзников?

Капитан, бросив мрачный взгляд на Баура, нехотя ответил:

– Почта американцев не подчинена органам НКВД. Возможно, ваши родственники в настоящее время не проживают по указанным адресам. Но я постараюсь выяснить.

От Миша Баур узнал, что лагерная цензура очень строга, особенно в отношении офицерских писем.

– Недавно, господин группенфюрер, я узнал, подслушав разговор русских охранников, вот такую вещь. Оказывается, все письма военнопленных поступают лагерному офицеру-цензору, который их вскрывает, читает и определяет дальнейшую судьбу. Письма рядовых и унтер-офицеров вермахта и люфтваффе проходят упрощенную проверку, в них вымарываются чернилами жалобы на условия плена, плохое питание и любые критические замечания в адрес русских. К офицерским письмам более жесткий подход, но в чем он заключается, я не понял. А вот письма членов СС от рядового до генерала цензуются особым образом. Как я понял русских, в этих письмах советская секретная полиция ищет какие-то тайные знаки на волю, к скрывшимся от союзников высшим руководителям СС и СД, а также зашифрованную развединформацию.

– Какую информацию, Миш, – в раздражении бросил Баур, – какие тайные знаки, каким руководителям СС? Русские ведь не полные идиоты, Германия в руинах. Гиммлер, я слышал, в плену у американцев, Генрих Мюллер мертв, Раттен-

хубер в плену, про Кальтербруннера ничего не известно. Все остальные высшие чины СС и СД – не лидеры. Они, дорогой мой Миш, либо простые солдаты, вроде оберстгруппенфюрера Шнайдера и группенфюрера Зеппа Дитриха, либо простые исполнители воли вождей, вроде группенфюрера Вольфа.

Баур разгорячился, почувствовал себя крайне уставшим и, удрученный этим разговором, тяжело откинулся на подушку. Не получив ответных писем, он впервые за месяц плена не на шутку разозлился на русских. Ни гуманное обращение, ни лечение и питание он не желал принимать в расчет. Ненависть к русским, зарождавшаяся в его сознании, еще не была оформлена, пока мотивировалась лишь обидой за ограничение его прав на переписку. У него имелся небольшой опыт общения с русскими за всю его карьеру. В годы Первой мировой войны он практически их не видел, находясь все время на Западном фронте. Работая в «Люфтганзе» и иногда летая в Кенигсберг, он встречал там русских гражданских летчиков и, как его предупреждали, агентов ОГПУ-НКВД. Как правило, знакомство с ними ограничивалось приветствиями и редким совместным распитием кружки-другой пива в буфете аэропорта. В тридцать втором году он летал с Мильхом через Москву в Липецк, где по соглашению между СССР и Германией в секретном учебном центре втайне от Великобритании, Франции и США готовили немецких пилотов для будущих германских военно-воз-

душных сил. Затем тот самый полет тридцать девятого года с рейхсминистром иностранных дел Риббентропом в Москву, встреча со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, триумфальное возвращение в Берлин с подписанным Пактом о ненападении. Из всех этих фрагментарных контактов с русскими Бауру не удалось сформировать собственное представление об этой загадочной нации. Русских писателей он так и не осилил, как ни старалась Доррит убедить его прочитать хотя бы что-то у Льва Толстого и Достоевского. Музыку Чайковского и Рахманинова он не понимал, равно как и музыку Шуберта, Бетховена и Вагнера. Балет он вообще не любил.

Представления о русских, формировавшиеся геббельсовской пропагандой и рассуждениями Розенберга и его подчиненных, Баур игнорировал, считая их глупыми и балансировавшими на грани маразма. Мало верил он и генералам, в угоду фюреру очернявшим все русское. Те крохи информации о русских, почерпнутые им самим, выстраивались в следующий нестройный набор его мнений, впечатлений и умозаключений. Русские или советские, какая разница, представляли собой сонм необразованных и бескультурных людей, всегда плохо и безвкусно одетых, от которых пахло потом и нестираным бельем. Они жадно, без разбору и в больших количествах поедали пищу, особенно много ели хлеба, даже с картофелем и кашами. Много пили спиртного, причем в совершенно диких вариантах; начинали с водки, затем,

если подворачивалась такая возможность, пили коньяк, запивая шампанским или сухими винами, десертные вина, ликер, накрепчайший самогон, пиво и все иное, что попадалось им в руки. Они отличались самоуверенностью, чванливостью, любили похвастаться, поспорить, поерничать и понасмехаться. Верить им, как правило, было нельзя. Они не держали слово, хитрили, обманывали, изворачивались. Баур вспомнил встречу генерал-лейтенанта Власова с Гиммлером, при которой он присутствовал совершенно случайно. Власов произвел на него самое отталкивающее впечатление. Русские летчики слабо разбирались в технике, отличались авиационной безграмотностью, имели скудные представления о современных приборах. Не поддавалось объяснению, как они вообще могли управлять самолетами, имея за плечами образование в семь классов и несколько месяцев летной подготовки в училище?

Пытаясь сопоставлять эту информацию с жесткими фактами войны, он не мог найти для себя верных ответов на причины сокрушительного поражения рейха от этого народа. Русские явно ненавидели своего диктатора Сталина и коммунистический режим, измордовавших миллионы людей голодом, нищетой, повальными репрессиями. В Германии немцев – врагов рейха не уничтожали массовым порядком. Коммунисты, социал-демократы, клерикалы, монархисты и прочие оппозиционеры, попавшие в концлагеря, с началом войны отправлялись в армию и на фронт для пере-

воспитания и отлично сражались за фюрера и германский народ. Сталин же умудрился расстрелять и сгноить в лагерях цвет Красной армии, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, военно-промышленного комплекса, науки. Он истребил лучших управленцев, дипломатов, разведчиков. Как же после всего этого, недоумевал Баур, Советы выстояли, а затем собрались, перестроились, накопили стратегические резервы, в кратчайшие сроки подготовили новый командный состав, восстановили промышленный потенциал и, постепенно опередив Германию по производству самолетов, танков, артиллерийских орудий и минометов, боеприпасов, одеж, обуви, накормив десятиmillionную армию, перемололи в своих дьявольских жерновах лучшие вооруженные силы мира?

Нет, не пресловутая русская зима, которой так любили прикрываться бездарные генералы, тому причина. Не теплей было в Норвегии, Польше, в Балканских горах. И не помощь союзников. Но что тогда? Этот вопрос изматывал Баура, мучил по ночам, доводил его, спокойного, уравновешенного человека, до тяжелого нервного срыва. И еще эта проклятая почта! И эти невыносимые русские, захлебывающиеся от радости за свою победу!

Только Миш, этот скромный и преданный солдат, удерживал его от медленного помешательства.

– Я так думаю, господин группенфюрер, все вскоре стабилизируется, – спокойно рассуждал ординарец, пожевывая

горбушку вкусного черного хлеба. – Русские с союзниками пограбят год-другой, как положено победителям, Германию, а затем успокоятся. Полагаю, что пленных они начнут возвращать домой еще раньше: кому хочется кормить чужих, когда самим не хватает? Говорят, многих пленных солдат и офицеров, согласившихся сотрудничать с оккупационными властями и готовых пойти служить во вновь создаваемые полицию и органы муниципальной власти, уже выпускают. Я, по-моему, уже говорил вам об этом? Назначают хорошее денежное содержание, продовольственное и вещевое довольствие, помогают с жильем.

– И вы, Миш, верите этим бредням?

– Пока не знаю, господин группенфюрер. Вот когда увижу хоть одного из них, может быть, и поверю. Господин группенфюрер, а как союзники поделили Германию?

– Точно не знаю, Миш. Но, если верить данным нашей внешней разведки, в Крыму Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились о том, чтобы к России отошли земли восточнее Эльбы и вся Восточная Пруссия, а Британии, США и Франции – вся Западная Германия.

– Жаль, – грустит Миш, – жаль мне Восточную Пруссию. Разграбят ее всю. Куда ж мне податься после плена? У меня ведь родных вообще не осталось. Хотите хлеба, господин группенфюрер?

– Нет, спасибо, скоро обед. Вы, Миш, не переживайте. Даст Бог, мы выйдем когда-нибудь на свободу, и я вас устрою

в Мюнхене на хорошую работу в аэропорт. Будете заниматься радиосвязью. Женим вас на молодой баварке, подберем достойное жилье, нарожаете детишек. Германии ох как нужны солдаты!

– Спасибо, господин группенфюрер, за заботу. Поверьте, я от вас ни на шаг, уж будьте уверены. Только вот, думается мне, хватит немцам воевать, навоевались уже.

Глава 12

Полагаю, было бы уместным немного рассказать о том, как происходило становление нового министерства авиации и люфтваффе. Безусловно, напрямую меня это не касалось, так как, и я уже говорил об этом, я не служил в люфтваффе и не подчинялся Герингу. Но что скрывать, конечно, меня все интересовало. Тем более, постоянно находясь рядом с фюрером, я видел и слышал много из того, что зачастую было скрыто даже от высшего руководства люфтваффе.

С тридцать первого года обучение военных летчиков Германии втайне осуществлялось в коммерческих и спортивных авиационных школах. Часть пилотов проходила подготовку в гражданских авиаклубах Финляндии, Швеции, Италии, Голландии, Швейцарии, а также на специальной секретной авиабазе в СССР, под Липецком. В сентябре тридцать второго года Мильх взял меня с собой в Москву для проверки работы созданного при деятельном участии немецких инженеров и конструкторов института ЦАГИ, выполнявшего заказы германской авиапромышленности. Затем мы перелетели в Липецк и ознакомились с процессом подготовки летчиков в советской школе ВВС. Материальная часть школы оставляла желать лучшего. Пилотов готовили на устаревших машинах разных типов и разных стран, главным образом французских и английских. Было там и несколько советских, очень

странных в своей простоте и неприхотливости, но хорошо управляемых и вполне надежных машин. В целом подготовка в авиашколе по схеме «взлет – разворот – посадка» позволяла давать первичные летные навыки, но дальше требовалась серьезная учеба летному делу. Всего липецкую школу окончили 120 немецких пилотов, в дальнейшем работавших инструкторами в германских военно-воздушных училищах, многие из них стали асами в годы войны и воевали против своих бывших русских коллег-курсантов.

После создания министерства авиации Геринг, как мне рассказывал Мильх, изложил ему, своему заместителю и статс-секретарю министерства, два следующих пожелания фюрера: собирать повсюду самолеты для люфтваффе, словно почтовые марки; деньги значения не имели. Герингу, одновременно являвшемуся президентом рейхстага и министром внутренних дел Пруссии, серьезно заниматься авиацией было некогда, поэтому Мильху была предоставлена полная свобода действий. На заседании правительства в начале февраля тридцать третьего года Мильху заявили, что новому министерству отпускалось сорок миллионов марок. Сумма, конечно, серьезная, но вовсе не великая для запуска массового производства боевых самолетов и формирования штаба люфтваффе. После заседания Геринг и военный министр фон Бломберг весело сообщили Мильху, чтобы тот не расстраивался, а как минимум учетверил сумму только на один финансовый год. И деньги пошли широким потоком.

Большую помощь Мильху оказывал военный министр генерал фон Бломберг. Будучи до мозга костей преданный сухопутным войскам, этот умный и прозорливый человек перевел из армии и флота в люфтваффе почти 550 офицеров, обученных летному делу, а затем еще четыре тысячи офицеров и унтер-офицеров, добровольно решивших стать пилотами. Фон Бломберг передал военно-воздушным силам несколько военных училищ, городков, огромное количество автомашин, тракторов, радио- и телефонного оборудования, амуниции и обуви. На первых порах Мильх работал с фон Бломбергом даже больше, чем с Герингом.

Геринг доверял Мильху безоговорочно, и, видимо, поэтому именно Мильх определял контуры будущих военно-воздушных сил рейха. Он неоднократно доказывал и доказал фюреру, что только мощная бомбардировочная авиация сможет сдержать агрессивные планы недругов Германии и стать оплотом ее воздушной мощи. Во время ранее описанного мною визита Геринга и Мильха в Италию в апреле тридцать третьего года Мильх изложил свои планы Муссолини. Дуче с ними согласился, но начальник штаба итальянских ВВС генерал Бальбо резко их раскритиковал, доказывая Мильху невозможность завоевания господства в воздухе без большого количества скоростных истребителей. Кроме того, Бальбо подчеркнул тогда рискованность нарушения Версальского договора, запрещающего иметь Германии ВВС и особенно бомбардировочную авиацию. Вечером в гости-

нице в моем присутствии Геринг заявил Мильху:

– Плюньте на все и всех, делайте, что считаете нужным. За все отвечаю я!

И Мильх, засучив рукава, с энтузиазмом взялся за работу. Безусловно, требовались деньги, деньги и еще раз деньги. Мильх, прошедший школу руководства «Люфтваффы» и обладавший колоссальным опытом осуществления финансовых операций (зачастую незаконных), в первую очередь занялся выстраиванием схем добычи финансовых ресурсов. В этом ему помог один случай. Неопознанный самолет 22 июня тридцать третьего года сбросил над Берлином коммунистические листовки антинацистского содержания. Мильх тут же опубликовал в ведущих газетах Германии обращение к депутатам рейхстага, в котором говорил о вражеском окружении, о десяти тысячах неприятельских боевых самолетах, нацеленных на мирную и добрую фатерлянд, о несчастных немцах, могущих погибнуть под бомбами британских и французских стервятников.

Гитлеру эта уловка Мильха очень понравилась, и на ближайшем заседании кабинета министров он, потрясая на шумевшим обращением, озвучил сумму в тридцать миллиардов марок, необходимых на программу начала создания люфтваффе. Растерявшийся министр финансов Крезиг заявил, что такие средства в бюджете изыскать невозможно. Его поддержал министр финансов Пруссии фон Попитц. В дискуссию вмешался Шахт, заявивший, что знает, где найти

деньги. Гитлер улыбнулся и спросил:

– Уважаю мыслящих людей. И что вам для этого нужно, господин министр?

– Только помощь господина Мильха.

На следующий день, как рассказывал Мильх, он отправился к Шахту, в кабинете которого эти два матерых волка германского бизнеса из реестра тысяч фирм выбрали ничем не приметную исследовательскую в области металловедения компанию «Мефо», которой тут же оформили гарантию рейхсбанка. Вскоре эта сказочная «Мефо» превратилась в главный центр финансирования развития авиапромышленности, расплачиваясь с крупнейшими промышленными концернами своими векселями с номинальным сроком погашения три месяца, каждый раз автоматически продлевавшимися. Гарантированные государством векселя в любое время могли предъявляться рейхсбанку к оплате. Трюк оказался ловким, очень эффективным, но незаконным. Мильху, правда, на законы было наплевать. От него требовали самолеты и аэродромы.

Благодаря тандему Шахт – Мильх, к концу тридцать третьего года на строительстве аэродромов, инфраструктуры военной авиации и авиазаводов работало около двух миллионов человек. Конечно, и эти объемы строительства, и реальные суммы, выделявшиеся на создание военно-воздушных сил, и массовая подготовка летчиков – все пока было скрыто как от общественности, так и от зарубежных дипло-

матов и журналистов. Гитлер все еще опасался решительных санкций со стороны Франции и Англии за нарушение им Версальского договора. Мильх даже издал приказ, которым требовал от подчиненных и промышленников, работающих на военную авиацию, держать язык за зубами и не давать иностранным державам возможности получить представление о темпах роста, фактических размерах и структуре создававшихся ВВС. Поэтому военная авиация Третьего рейха, как, видимо, нигде в мире, развивалась в большей степени в лоне иных отраслей промышленности и транспорта. Так, по договоренности с Имперскими железными дорогами этот концерн обзавелся собственной авиакомпанией, осуществлявшей ночные полеты по старому маршруту «Данцигской авиапочты» – Берлин – Кенигсберг, с целью подготовки экипажей бомбардировщиков к дальним полетам. Сама же «железнодорожная» авиакомпания являлась частью секретной бомбардировочной эскадрильи гражданской «Люфтваффе». А в берлинском офисе «Люфтваффе» за дверью с табличкой «Диспетчерская» располагались штурманские курсы, где проходили подготовку переодетые в штатское офицеры и унтер-офицеры.

Мильх был человеком больших амбиций, мыслил большими категориями, и программы его поражали всех темпами и размерами. Весной тридцать третьего года он сверстал и представил Герингу программу на строительство шестисот боевых машин, главным образом бомбардировщи-

ков. Геринг усомнился, но программу подписал. В сентябре Мильх представил новую программу ускоренного строительства двенадцати тысяч самолетов! Геринг вначале изумился и недовольно надулся, затем расхохотался и подписал программу.

– Только давайте договоримся, дорогой Мильх, в правительстве программу будете представлять вы.

– Уж будьте в этом уверены, шеф, – нагло заявил Мильх.

Программу утвердили без каких-либо корректировок. И Мильх принялся за авиапроизводителей.

Глава 13

Савельев шел в штаб, ободренный разговором с Хлебниковым. Ему хотелось немедленно поговорить со своим первым замом, спланировать поисковую работу, поручить Снигиреву форсировать розыск работников концерна Юнкерса. Проходя мимо новой тюрьмы, он обратил внимание на часового. «Что-то новенькое, – подумал Савельев, – никак у нас первые клиенты образовались?»

– Рядовой, кто выставил пост?

– Товарищ подполковник, в караульном помещении начальник караула, он все знает.

Савельев вошел в караулку. Старший сержант, начальник караула, и еще трое бойцов немедленно вскочили по стойке «смирно».

– Товарищ подполковник, караул в составе...

– Отставить! Сержант, кто назначил караул и кого охраняете?

– Докладываю, товарищ подполковник! Караул назначен товарищем майором Бурляевым. В камерах находятся три немца и два штатских сотрудника опергруппы.

– Покажите журнал.

Старший сержант немедленно представил регистрационный журнал, в котором значились три задержанных местных жителя, рабочие-дорожники, ремонтировавшие город-

скую мостовую и оказавшие сопротивление представителям советских военных оккупационных властей. Советские же гражданские сотрудники были зарегистрированы арестованными за антисоветскую пропаганду.

Придя в штаб, Савельев пригласил к себе обоих замов. Майор Снигирев, разложив на столе документы, по праву первого зама сразу спросил:

– Разрешите доложить, товарищ подполковник?

– Подождите, Иван Иванович, пусть вначале доложит майор Бурляев.

– Простите, товарищ подполковник, – удивленно спросил Бурляев, – а о чем докладывать?

Савельев внутренне закипал, готов был сорваться на крик, но с трудом сдержал себя. Тяжелым взглядом он сверлил Бурляева.

– Как это о чем? О вашей работе, что сделано, каковы результаты.

– Так ведь все идет в рабочем порядке, товарищ подполковник, текучка, так сказать.

– И задержание немецких рабочих, и арест гражданских сотрудников опергруппы? Все в рабочем порядке? За что, кстати, задержаны немцы и арестованы наши?

Бурляев поерзал на стуле, открыл рабочий блокнот.

– Позавчера я ехал по городу на «виллисе» с водителем и бойцом охраны. Мы въехали на улицу, которую мостила бригада немецких дорожников, перекрыв проезд грузовиком с

булыжником. Я потребовал убрать грузовик и пропустить нас. Они, бригадир и еще двое, отказались, утверждая, что ехать нельзя, дорога, мол, подготовлена к мощению, а мы ее можем разбить. Я и приказал арестовать этих фашистов за неподчинение советским властям.

– Там был знак объезда?

– Да, был. Ну и что. Нам там проще и быстрее проехать.

– А потом рабочие должны были заново из-за вашей прихоти и каприза переделывать дорожное полотно? Как же можно так, майор? Как же можно так позорить советскую власть и нашу армию?

Бурляев, сделавший удивленное лицо, не унимался, он был уверен в своей правоте:

– А что эти гады сделали с нашей страной, вы не забыли, товарищ подполковник?

– Я ничего не забыл. И вам советую усвоить раз и навсегда: «Смерш» – орган военной контрразведки, а не гестапо. Нашей группе руководством поставлена конкретная задача, вот и занимайтесь ее исполнением. Немцев отпустить.

– Но, товарищ подполковник... – Бурляев, как ужаленный, вскочил со стула.

– Отпустить немедленно и извиниться. Вы лично извинитесь. За что арестованы специалисты?

– За антисоветскую пропаганду, – мрачно ответил Бурляев.

– В какой форме и перед кем?

– В столовой во время обеда они громко заявляли, что германская химическая промышленность лучшая в Европе, даже лучше советской.

– У вас есть доказательство обратного, вы специалист в области химии?

– Нет, но дерзко хулить Родину я никому не позволю, особенно им, этим врагам, только условно освобожденным.

– Если начальник главка, генерал-полковник Абакумов, лично их направил к нам в группу, значит, он им верит. Следовательно, они не враги, как не враги и все остальные гражданские специалисты. И вам, майор, я запрещаю оскорблять людей. Специалистов немедленно выпустить.

– Но, товарищ подполковник, – зарычал Бурляев, – я обязан исполнять план...

– Какой план? По посадкам? Где он, ваш план? На стол ко мне, быстро! – Савельев не сдержался, с силой хлопнул ладонью по столу. – Нет у вас никакого плана. Еще раз узнаю о вашем самовольстве, будете наказаны. Людей выпустить немедленно. Свободны!

Когда Бурляев скрылся за дверью, Савельев на минуту задумался, сцепил обе руки на столе и положил на них подбородок. Он вспомнил тот страшный бой в июле сорок третьего, первый его бой в качестве старшего оперуполномоченного военной контрразведки «Смерш» стрелкового полка. Вспомнил и рассказал Снигиреву.

Его только перевели из военной разведки в созданный

весной «Смерш», и он, боевой офицер, командир разведроты дивизии, десятки раз ходивший в тыл противника, чувствовал себя не в своей тарелке, ощущая боязливое отношение к себе со стороны командиров и солдат, по привычке сторонившихся особиста. Их дивизия участвовала в наступлении, а его полку предстояло взять гряду холмов, с которых немецкая артиллерия держала под обстрелом всю округу. В пять утра корпусная и дивизионная артиллерия обрушила всю свою мощь на холмы, а через полчаса в атаку пошли роты полка. Штурм оказался настолько динамичным, что первую линию обороны немцев взяли за пятнадцать минут, а две роты второго батальона уже рванули вперед по склонам двух холмов, и вскоре с вершины одного из них комбат два сообщил в штаб полка о первой победе.

И тут с задних склонов холмов ударили немецкие минометы. Наши артиллеристы совершили большую ошибку. Их снаряды уничтожили фашистские батареи на холмах, но огонь за холмы они не перенесли. Мины ложились так густо, что вскоре наша пехота побежала вниз по склонам, а немецкие пулеметчики, вновь оседлавшие вершины, методично расстреливали бегущих. Погибли командир батальона и два ротных. Началась паника, охватившая и тех, кто еще находился в захваченных окопах первой линии немецкой обороны. Вскоре оба батальона, терявшие от минометного и пулеметного огня десятки бойцов, бежали обратно. Только отсутствие у немцев резервов и бронетехники не поз-

волило им нанести контрудар.

Командир полка, немолодой подполковник, глазами, полными ужаса, оглядел присутствовавших на командном пункте офицеров, будто спрашивая «Что делать, братцы?» Когда его взгляд остановился на Савельеве, его лицо стало светло-пепельным. Савельев спросил:

– Разрешите в бой, товарищ подполковник?

Комполка не сразу понял вопрос, с минуту находясь в оцепенении. Савельев, снимая с гвоздя автомат, прокричал:

– Товарищ, подполковник! Разрешите остановить людей?!

– Да, сынок. – Командир схватил Савельева за руку, будто за последнюю соломинку. – Иди, дорогой, сделай что сможешь.

Савельев рванул навстречу отступавшим. Не добежав метров тридцать, он дал первую очередь из ППШ вверх, а затем по земле перед бегущими, как бы очертя линию, за которую им переступать нельзя, за которой тоже смерть, но уже от его автомата. Люди поняли и остановились.

– Ложись! – прокричал Савельев. – Командиры – ко мне! – Он показал в сторону кустарника, куда следовало прибыть оставшимся в живых офицерам.

Подбежали раненный в руку командир первого батальона, капитан, два ротных и три командира взводов. Савельев, оглядев всех, жестко спросил:

– Все меня знают?

Люди утвердительно кивнули, не проронив ни слова.

— Даю десять минут собрать личный состав и навести порядок. Ровно через пятнадцать минут двумя колоннами начинаем обходить левую и правую сопки вон теми лощинами. — Он показал в сторону кустарников, протянувшихся по лощинам в сторону холмов, охватывая их клещами. — Левую колонну поведет комбат один, правую — я. Товарищ капитан, распределите людей. Ротным и взводным проверить оружие и боеприпасы. Недостающее взять у убитых. Комбата перевязать. Атака по моему сигналу зеленой ракетой. Исполнять!

Люди безмолвно и в точности выполнили его приказ. Передевшие роты втянулись в лощины и стали с флангов обходить высоты. Командир полка, наблюдая в бинокль за действием Савельева, понял его маневр и попросил штаб дивизии поддержать атаку огнем. В этот раз артиллеристы не подкачали. Дивизионные 76-мм орудия обработали верхушки высот, а 122-мм корпусные гаубицы крушили немцев за холмами. Савельев хорошо понимал, что артиллерия вторично долго работать не станет, минут пятнадцать, не более. Именно столько времени он и отпустил на приведение батальонов в порядок. Как только закончился артналет, Савельев пустил зеленую ракету, дав сигнал к атаке.

Бойцы рванули вперед и, обойдя сопки, ворвались во вторую линию обороны, быстро очищая ее от ошеломленных немцев. Поставленные на высоты по приказу Савельева батальонные минометы осыпали минами отходящего противни-

ка. Комполка ввел в бой третий батальон, ринувшийся в образовавшийся прорыв и погнавший немцев далеко от сопок. Прибывшие на полковой командный пункт командиры дивизии и корпуса быстро оценили обстановку. Во второй половине дня в прорыв ввели механизированную бригаду и всю стрелковую дивизию, отбросив к полуночи фашистов на сорок километров. Через день командование фронтом расширило прорыв, отогнав противника еще на семьдесят верст.

К вечеру того незабываемого дня Савельев, сдав командование начальнику штаба батальона, шатаясь от усталости, голодный, грязный, в рваной гимнастерке, вернулся на командный пункт полка. Он растерялся от присутствия трех генералов и целой кучи полковников, среди которых узнал и начальника отдела контрразведки армии.

– Вот он, наш герой! – Командир полка радостно представил Савельева.

Генерал-майор, командир корпуса, достав из поданной адъютантом красной коробочки орден Красной Звезды, приколот его на грязную гимнастерку особиста.

– Спасибо, капитан. Мне искренне жаль, что армейская разведка лишилась такого офицера. Подполковник, – генерал приказал командиру полка, – немедленно составьте наградные документы на Савельева, я подпишу и заберу с собой.

Поздравляя Савельева, начальник отдела контрразведки «Смерш» армии заметил с намеком:

– Вы бы, капитан, вот так же напористее выявляли бы дезертиров, предателей, изменников Родины и вражеских диверсантов. Пользы от вас было бы гораздо больше.

В своем рапорте Савельев никого не обвинил, скрыл факт бегства командиров и бойцов с поля боя, не осудил действия артиллерийских командиров при первом артналете, дал высокую оценку действиям командования полка и батальонов. Его начальству это не понравилось, зато отношение к нему в полку изменилось. Офицеры считали за честь пожать руку необычного особиста...

– Хорошо вас понимаю, товарищ подполковник. – Снигирев закурил с разрешения начальника. – Мне, кадровому пограничнику, много пришлось насмотреться на художества особистов, особенно тех, кто тянул чекистскую лямку с двадцатых – тридцатых годов. Как правило, грубые, циничные, наглые, жестокие, лживые, уверенные в своей безнаказанности, злопамятные – в большинстве своем они оказались совершенно неприспособленными в сорок третьем работать в новых условиях, в новой военной контрразведке «Смерш». Малограмотные, они понятия не имели о структуре, целях и задачах, методах работы абвера и СД, не представляли себе сути контрразведывательной работы, продолжая, как заведенные, клепать дела на командиров и красноармейцев. Подсчитает ли кто-нибудь когда-нибудь, сколько же дивизий они сняли с фронта и отправили на расстрел и в лагеря?

Савельев закурил. «Снигирев, видимо, искренен, не по-

хож он на провокатора», – подумал он.

– Спасибо, Иван Иванович, за понимание. Бурляев, к сожалению, похоже, из тех, о ком вы говорили. Но что делать, кому-то в главке он нужен здесь. – Савельев улыбнулся и подмигнул Снигиреву. – Будем работать с тем материалом, который нам отгрузили. Ну а теперь о деле.

Глава 14

В тот день Бауру было особенно плохо. После утренней перевязки поднялась температура, пот лился ручьем, нательная рубаша, кальсоны и постельное белье промокли насквозь. Ни переодеться, ни перестелить постель он не мог, еще не мог вставать. Почему-то не приходил Миш. Баур позвал санитарку, кое-как объяснил, что мокрому ему совсем плохо, что он не может переодеться. Санитарка выслушала жалобы и, не проронив ни слова, удалилась, принеся вскоре чистое нательное и постельное белье. Положила его на тумбочку и ушла. Она не обслуживала тех военнопленных высокопоставленных генералов, к которым прикомандировали ординарцев. Баур был в отчаянии и до обеда так и провалялся в мокром белье в мокрой постели.

Около часу пополудни явился, прихрамывая, Миш. Вид он имел, мягко говоря, неформальный. Усталое, помятое лицо было все в ссадинах и царапинах. На лбу красовалась шишка, а под правым глазом висел приличный синяк. Миш поздоровался, присел на соседнюю пустую постель, сжал кисти рук, положив их между ног, и, словно нашкодивший ребенок, опустил плечи и голову.

– Что с вами, Миш? Вас что, в бетономешалке держали? – попробовал пошутить Баур.

Миш, словно очнувшись от дурного сна, без слов поднял

Баура, раздел его, обтер влажным и сухим полотенцами, передел в чистое, перестелил постель и, уложив вновь, уселся в прежней позе. Баур не узнал сдавленного и дребезжавшего голоса Миша.

– Сегодня меня допрашивали, господин группенфюрер. Всю ночь и утро.

– Били, я вижу?

– Не то слово, господин группенфюрер. – Скорчившись от боли, он поменял позу, вытянув вперед поврежденную ногу. – Лупили чем попадя, обработали методично и тщательно, словно кенигсбергскую отбивную. Левая нога особенно болит, по голени хлестали резиновой палкой.

– За что же они вас так?

– За вас, господин группенфюрер. – Миш бросил на Баура совсем недобрый взгляд. – И за фюрера, пусть земля ему будет пухом.

Баур усталился в потолок, соображая, о чем спросить Миша. Баур, конечно, предполагал, что Миша вскоре должны взять в оборот, он ведь служил в фюрербункере, перед его глазами проходили сотни радиogramм, в том числе шифрованных, десятки высокопоставленных генералов вермахта, люфтваффе и СС общались с ним в дни агонии рейха. Но он не предупредил Миша, понимая, что тот испугается и, возможно, откажется быть его ординарцем. Следовательно, виной всему был он, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Ганс Баур. Но он не чувствовал за собой никакой

вины, его не мучило угрызение совести за избитого солдата. За годы своего боевого опыта Баур привык считать солдат и офицеров расходным материалом войны, обученным, дисциплинированным и молчаливым материалом. На то они и солдаты. На то и война.

– О чем они вас спрашивали, Миш?

– Они не спрашивали, господин группенфюрер, они выбивали сведения. Привели в камеру, посадили на металлический стул, заломили назад руки и сковали их наручниками. Допрашивали три офицера, то вместе, то поочередно. Но избивал один из них, что помоложе, и здоровенный унтер-офицер, всегда стоявший сзади.

– Ну, а что вы, Миш?

– Ну что я мог им сказать? Я ведь ничего не знаю.

Миш лгал. Повели его на допрос в час ночи, полусонного, испуганного. Конвоиры то и дело подталкивали прикладами автоматов в спину. Допрашивали не в камере, а в богато обставленном кабинете. За столом сидел высокий, хорошо сложенный майор (Миш уже разбирался в знаках различия русских) в незнакомой форме: темно-синие бриджи, темно-зеленый китель из дорогой шерстяной ткани, не золотые, как у армейских офицеров, а серебряные погоны с двумя лиловыми просветами и такого же цвета кантами и обшлагами на рукавах¹⁸. Два других офицера, капитан и старший лейтенант, были в такой же форме. Старший лейтенант оказался

¹⁸ Общая повседневная форма офицеров НКВД и НКГБ СССР.

переводчиком, он сидел за маленьким столиком рядом с Мишем, переводил и вел протокол на немецком. Здоровущий сержант заломил руки Миша назад, надел наручники и, пропустив через них веревку, дернул ее вверх. Из-за страшной боли в плечевых суставах Миш чуть было не потерял сознание, непроизвольно из глаз хлынули слезы.

– Ну-ну, Миш, – заговорил майор, сделав сочувствующее лицо, – чего это вы захныкали? Мы ведь с вами и поговорить не успели, а вы в слезы.

Он сделал знак сержанту, и тот отпустил веревку.

– Допрос будут вести следователи оперативного управления Главного управления по делам военнопленных и интернированных Наркомата внутренних дел СССР – ваш покорный слуга майор Тюшкин и, – он указал на молодого офицера, – капитан Игнатенко. Нас, Миш, интересует группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Ганс Баур. Интересует его пребывание в бункере рейхсканцелярии. Чем он там занимался? С кем общался? Часто ли бывал в кабинете Гитлера? Покидал ли бункер в конце апреля – начале мая? Кто его посещал? Хочу предупредить, все, что во время допроса говорите вы и мы, является государственной тайной. По окончании допроса вы дадите подписку о неразглашении гостайны. Ее нарушение предусматривает расстрел. – Майор откинулся на спинку кресла, вытянул ноги, закурил. – Хочу заметить, от вашей искренности будет зависеть ваша судьба военнопленного. Мы вас слушаем, Миш.

– Господин майор, а нельзя ли снять наручники? Бежать я все равно не смогу.

Майор кивнул, сержант снял наручники.

Миш потер запястья и, не задумываясь о последствиях, по-детски искренне брякнул:

– Так я ведь ничего не знаю, господин майор, я ведь простой связист, сидел в своей радиорубке, даже спал там же. Выходил только в столовую, душ и туалет.

Не успев договорить последние слова, Миш слетел со стула от удара в голову справа. Он медленно встал на карачки и потряс головой. Подняться он не мог. Сержант легко, словно куль с мукой, подхватил его под мышки и усадил на стул, положив руку на плечо Мишу, чтобы тот вновь не упал.

– Ответ неверный, дорогой Миш. К Бауру мы еще вернемся. Что вы знаете о смерти Гитлера?

Миш поерзал на стуле, потер ладонью ушибленный висок, утер рукавом нос.

– Знаю, господин майор, что он то ли застрелился, то ли отравился. Всякое про него болтали. А потом якобы его и его супругу, госпожу Гитлер, сожгли эсэсовцы во дворе рейхсканцелярии.

Молодой капитан подошел вплотную к Мишу и, покачавшись с носков на каблуки сапог, нанес молниеносным движением удар в глаз. Миша отбросило назад, он опрокинулся вместе с тяжелым стулом и жалобно застонал. Сержант вновь поднял его, но сажать не стал, а попытку Миша усесться на

поднятый стул пресек ударом резиновой дубинки по голени. Миш дико заорал, упав на колени. Майор, переменял позу, закинул ногу на ногу и взял новую папиросу.

– Ответ опять неверный, Миш. Вы лично видели трупы Гитлера и Евы Браун, или, как вы ее назвали, госпожи Гитлер?

– Нет, господин майор, лично не видел.

– Ну, вот видите, – оживился капитан, – а говорите, ничего не знаете. Садитесь.

Сержант грубо усадил Миша на стул.

Майор резким движением поднялся и, подойдя к Мишу, открыл перед ним пачку «Казбека». Военнопленный дрожащей рукой взял папиросу, майор щелкнул зажигалкой, и кисловатый вкус незнакомого табака, дурманящий дымок сделали свое дело. Мишу показалось, что его измученное тело обрело невесомость, стало как-то легко и приятно, притуплялась боль, ужасно захотелось общаться, говорить и говорить с этими приятными и учтивыми офицерами, которые даже бить умели профессионально, не вызывая потечков крови. Майор, по-дружески положив руку на плечо Миша, спросил:

– Как мы вас поняли, трупов вы не видели?

– Не видел, господин майор.

– И вы никого не знаете из эсэсовцев, которые якобы сжигали трупы?

– Не знаю.

– А от кого вы узнали о смерти и сожжении Гитлера?

– Впервые я услышал от группенфюрера Раттенхубера, а затем об этом только ленивый в фюрербункере не говорил.

– Как на эту информацию реагировали сидельцы фюрербункера?

– По-разному. Кто-то был явно огорчен, как, например, группенфюреры Раттенхубер и Баур, кто-то даже рыдал, как бригаденфюрер Монке. Многие не верили, но большинство так устали, что встретили сведение о смерти фюрера равнодушно.

Капитан пододвинул стул к Мишу, сел на него верхом, положив руки на спинку. Он спросил, как показалось Мишу, совершенно добродушно:

– Вот вы сказали, что не видели трупов, никого не знаете из тех, кто участвовал в их сожжении, что многие не верили в смерть Гитлера. А может, и не было никаких трупов?

Миш задумался: «А ведь и правда. Никто из тех, кого я знал в фюрербункере, трупов не видел».

– Может, это вовсе и не Гитлер, и не Ева Браун были? Могло так случиться, что кому-то было выгодно распространить слух о гибели Гитлера? – Капитан в упор глядел на Миша.

– Ну, например, Генриху Мюллеру, – вступил в разговор майор, – или Борману, или гросс-адмиралу Деницу? А, Миш, как вы думаете? Могло такое случиться?

Миш вновь задумался на минуту. «А почему нет? Ведь

ходили же слухи о двойниках фюрера. Одного я даже сам видел».

– Думаю, что могло.

Офицеры весело переглянулись. Майор, порывшись в бумагах на столе, нашел нужную, бегло пробежал по ней глазами и, подойдя к Мишу, спросил:

– Скажите, Миш, мог ли Гитлер улететь из Берлина на самолете тридцатого апреля? Ведь у Баура наверняка имелись готовые машины для побега?

– Думаю, что мог, господин майор. Я слышал о нескольких самолетах «Фокке-Вульф-200 Кондор» из авиаотряда группенфюрера Баура, расположенных на аэродроме Темпельхоф. Они до последнего момента, до уничтожения вашей артиллерией взлетно-посадочной полосы, выполняли какие-то спецрейсы. Думаю, штандартенфюрер Бетц, заместитель группенфюрера Баура, недаром несколько раз покидал фюрербункер и вновь туда возвращался. Видимо, он получал какие-то указания Баура.

– Прекрасно, Миш, прекрасно. – Майор от удовольствия стал потирать руки. – Вот видите, а говорили, ничего не знаете. Вы, дорогой Миш, очень много знаете. Теперь давайте правильно сформулируем ваши показания в протоколе допроса.

Майор кивнул капитану, и тот стал читать:

– Военнопленный Миш показал, что никаких достоверных сведений о смерти Гитлера нет. Кто-то в бункере рейхс-

канцелярии распускал слухи о самоубийстве Адольфа Гитлера и Евы Браун. Источником таких слухов могли быть группенфюрер СС Мюллер, начальник IV управления РСХА и рейхсляйтер Борман, заместитель Гитлера по партии. Оба, Мюллер и Борман, также бесследно исчезли в ночь на 2 мая. По всей видимости, они, а также группенфюрер СС Баур, организовав бегство Гитлера из Берлина на четырехмоторном самолете «Фокке-Вульф-200 Кондор», покинули рейхсканцелярию под прикрытием спецотряда СС. Из этой группы в плен удалось взять только группенфюрера СС Баура. Миш считает, что Гитлера доставили в один из портов Испании, где его могла ожидать крейсерская подводная лодка. Версию о Гамбурге он считает маловероятной, так как выйти на подводной лодке в Атлантику было уже практически невозможно. Союзный флот намертво запечатал все выходы.

Майор спросил:

– Вы не против таких показаний, Миш? По сути дела, они ведь практически полностью соответствуют тому, что вы нам рассказали. Ну, только самая малость нашей редакторской работы.

Миш опешил от такой наглости, такого цинизма офицеров, но, поглядев на дюжего сержанта, играющего здоровенной резиновой дубинкой, весь обмяк и согласно кивнул головой. Майор удовлетворенно хлопнул ладонью по столу.

– Ну вот и отлично. Нам ведь, собственно говоря, что нужно? Нужно установить факт либо смерти Гитлера, либо его

чудесного спасения и бегства из Берлина. Вот вы, Миш, и поможете в этом нам. Смею вас уверить, не только нам, но и нашим союзникам и всей мировой общественности. Думаю, Миш, мы с вами найдем общий язык. Как вы полагаете?

Миш вновь согласно кивнул.

– Но, как говорят у нас, у русских, слово к делу не пришьешь, и, видимо, настал момент скрепить наше взаимопонимание документом. Вы не против?

– Согласен.

– Вот и прекрасно. Подойдите к столу и подпишите вот здесь.

Миш бегло, невнимательно прочитал документ на немецком языке, из которого ему стало ясно лишь одно: он дал подписку о сотрудничестве с органами НКВД СССР, нарушение с его стороны данных им обязательств влечет за собой уголовную ответственность по каким-то статьям Уголовного кодекса РСФСР.

Майор сбросил маску доброжелательности. Голос его стал жестким и требовательным:

– Отныне, Миш, вы являетесь секретным сотрудником органов НКВД. Подпишите еще вот этот документ, это подписка о неразглашении гостайны.

Миш не читая подписал подсунутый ему бланк. Капитан велел ему расписаться и на каждой странице протокола допроса.

– Миш, отныне вы обязаны еженедельно представлять

нам рапорт обо всем, что вы узнали от группенфюрера Баура и иных военнопленных. Особенно нас интересуют любые сведения о судьбе Гитлера, Бормана, Мюллера. Вы должны фиксировать все контакты Баура с военнопленными. Конкретные инструкции о форме рапорта, местах передачи информации и встреч получите у капитана Игнатенко. С завтрашнего дня вы будете получать усиленное питание. Вы свободны.

Конвоиры повели Миша обратно. Отрывочные мысли хаотично скакали в его мозгу. Жалел ли, страдал ли он о своем предательстве? Мучили его угрызения совести за согласие доносить на своих? Нет. В силу природной приверженности немцев к порядку, трепетного отношения к любой власти, сидевшей у них на шее, будь то власть герцога, курфюрста, короля, кайзера, Веймарской республики, нацистского режима Гитлера, они безоговорочно верили в силу доноса как важного инструмента государственного управления, способа добычи информации, позволявшей органам власти сохранять спокойствие и ровное течение устоявшейся жизни. Немцы полагали, что донос – неотъемлемый атрибут защиты их бытового и душевного комфорта, уклада жизни.

Миш думал о другом, о том, какие преференции он выиграл, совершив предательство: в чем будет заключаться усиленное питание, повлияет ли его сотрудничество с русскими на ускоренное освобождение из плена, на его будущее трудоустройство, возможно, даже в органах новой власти. Все

остальное его ничуть не тревожило. Он уже давно жил по одному из принципов СС: «Каждому свое».

Баур осторожно поинтересовался:

– Миш, а что спрашивали о фюрере?

– Да ничего особенного. Когда покончил собой? От кого стало об этом известно?

– А что спрашивали обо мне?

– Как вы попали к фюреру на службу? С кем были дружны? А я ведь ничего о вас не знаю. Ну что я мог им сказать? Побили они меня, побили, а потом велели держать язык за зубами и никому ни о чем не говорить. Ладно, что уж там. Видимо, такова моя судьба. Пойду принесу вам обед.

Баур глядел вслед прихрамывавшему Мишу и думал: «Сдал или не сдал? Вряд ли. Будет держаться за меня до последнего. Лучше уж ординарцем при генерале-калеке, чем валить лес в тайге. Вряд ли».

Глава 15

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.